

МОЛОДЕЖНАЯ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

1987/5

Ирина Андреева

МОДА И КУЛЬТУРА ОДЕЖДЫ

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

МОЛОДЕЖНАЯ

5/1987

Издается ежемесячно с 1959 г.

Ирина Андреева

МОДА

И КУЛЬТУРА ОДЕЖДЫ

Издательство «Знание» Москва 1987

ББК 87.815
А 65

Автор: АНДРЕЕВА Ирина Александровна — главный искусствовед Общесоюзного Дома моделей одежды, занимается теорией и прогнозированием моды, преподает историю костюма в Школе-студии МХАТ СССР, автор исследований по истории советского костюма и публикаций по проблемам современной моды.

Рецензент: М о н а х о в а Людмила Петровна, кандидат искусствоведения, член Союза художников СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

«Мир — перемена стилей, одежда калейдоскоп»	7
Для чего мы носим одежду?	24
Много ли человеку одежды нужно?	40
Приложение	61
Советуем прочитать	64

Андреева И. А.

А 65   Мода и культура одежды. — М.: Знание, 1987. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Молодежная»; № 5).

11 к.

Значение одежды и моды в общей культуре человека, связь внешнего убранства людей с их моральным обликом — об этом ведет разговор автор. Здесь рассматриваются вопросы истории костюма, разнообразные проявления моды, социальные аспекты проблем культуры одежды в жизни советской молодежи.

0302060000

ББК 87.815

© Издательство «Знание», 1987 г.

В автобиографиях, которые люди время от времени пишут по деловой необходимости, всегда очень похожи начала: родился, учился, вступил в пионеры, в комсомол. Обычно такие сведения занимают всего несколько строк. А ведь это довольно большая часть жизни человека. Есть, конечно, немало людей, которые, написав «поступил работать туда-то», заканчивают фразу словами: «...где и работаю по настоящее время». Но во многих случаях дальнейшее изложение занимает несколько страниц. Здесь не только перемены места работы, но и повышения в должностях, награды, путешествия, изменения в семейной жизни и многое-многое другое.

Начало же жизни (и немалая ее часть) теперь у всех советских людей практически одинаковое. Это, надо отметить, огромное социальное достижение нашего общественного строя. Большинство из нас принимает данные всем условия как должное, а иные — и как извечное. Однако перед Великой Отечественной войной и в первые годы после нее нередко одинаковая часть биографий заканчивалась в 13—15 лет, после чего многие люди вступали в трудовую жизнь наравне со взрослыми.

Равенство людей, социальная справедливость начинаются с прав, провозглашенных Конституцией, но становятся

реальностью только тогда, когда люди реально получают возможность воспользоваться своими правами: кто хочет учиться, тот учится; кто хочет трудиться, тот получает работу. Это кажется естественным, когда живешь при таком общественном порядке, который обеспечивает права граждан, предоставляет им возможность реализовать себя в избранной сфере деятельности. Государство дало права и предоставило возможности. Но решить, как использовать свои права, какие предпочесть возможности, должен сам гражданин. Каждый сам должен выбрать, кем он будет, каким он будет.

Одним из путей поиска являются увлечения. Нередко занятия из сферы увлечений могут перейти в более глубокий интерес к чему-то, превратить любопытство в стремление к цели и привести к профессии.

Однако уже давно замечено: иные увлечения вдруг приобретают, так сказать, «эпидемический» характер — ими оказываются охвачены значительные группы подростков и молодых людей в разных городах, поселках, селах. Тогда говорят о моде.

«Мода», — говорим мы и о всеобщем к чему-то интересе, о всеобщей в чем-то потребности. И в первую очередь связываем с этим словом молодежь. Но мода существует у каждой возрастной группы, правда, разная, соответствующая изменяющимся с возрастом вкусам, потребностям и возможностям. Взрослые люди, кроме того, больше, чем молодые, чтут традицию. Мы многое принимаем как должное, это и есть традиция. А вот если видим что-то непривычное, новое, да еще оно повторяется, все чаще встречается, то, думаем мы, это скорее всего новая мода.

Многие предполагают, что мода существует вечно, потому что всегда менялись одежда и музыка, танцы и разные вещи, материальные предметы, которыми пользовались люди. Но это не совсем так. Вообще изменения — естественный ход прогресса, совершенствования жизни, совершенствования самого человека и форм его общественной деятельности. Поэтому изменения касаются всего. Но ведь мы никогда не говорим, что замена каменных орудий труда железными была модой на железные орудия труда, или изобретение колеса сменило моду на колесья, предшествовавшие колесу. Даже в истории костюма серьезный исследователь не ска-

жет, что римская тога была новой модной одеждой, сменившей греческие плащи («хламисы»).

Мода возникла в Европе в средние века как переходящая (непостоянная) форма этикета в придворном, очень узком кругу знати. Она была обязательной для определенного круга людей. Отказ, игнорирование, несоответствие предписанным нормам стало рассматриваться как уклонение и от более существенных обязанностей, связывавших определенную социальную группу высших сословий, а то и как попытка разрыва с этим кругом людей. В период борьбы за централизацию власти такое не прощалось.

До Великой французской буржуазной революции в конце XVIII века мода была прежде всего привилегией придворных и аристократов. Только после этой революции мода стала широко распространяться в других слоях населения. Но связанная с материальными затратами, мода преобладала в среде имущих сословий, очень незначительно влияя на культуру городских трудовых слоев и почти не отражаясь в бытовом укладе крестьянства, сельских ремесленников, где основой развития культуры и искусства оставалась народная традиция.

С развитием индустрии, т. е. с началом промышленной революции, мода в одежде получила широкое распространение. Постепенно (примерно на протяжении 100 лет) она превратилась из привилегии нескольких сословий в явление общественной жизни, увлекавшее многих жителей города, а с 30-х годов нашего века стала распространяться и в сельской местности.

В современных условиях существует различный уровень общей культуры людей, их развития, знаний, возможностей для сопоставления, выяснения относительной, сравнимой ценности тех или иных явлений, предметов, произведений искусства. А это подчас рождает и моду на что-то низкопробное, малозначимое, неэстетичное. Невысокое нравственно-эстетическое развитие личности обнаруживает себя в предпочтениях сомнительных с точки зрения морали форм поведения, в выборе безвкусных вещей, в увлечении бессмысленными, а иногда и порочными занятиями. Нередко это ошибочно воспринимается окружающими как очередная мода и осуждается не как конкретное явление, а как мода вообще.

Однако не все необычное, непринятое или невиданное ранее должно именоваться модой.

Сегодня модой, главное — массовой модой, мы называем лишь те явления, которые возникают как увлечение многих, большинства. А если какая-то мода нам не правится, то стоит разобраться: может быть, причина такого восприятия моды в нас самих, а может быть, — в особенностях той категории людей, которые являются ее создателями, носителями. И вот если оказывается, что причина — в недостатках этой категории людей (в их низкой культуре, легкомыслии, в стремлении к эпатажу, в неверных ориентациях), то требуется противодействие. Надо суметь противопоставить конкретные, интересные и новые предложения (одежду, вещи, песни, танцы, формы времяпрепровождения), которые были бы на соответствующем уровне наших ценностей и одновременно были бы доступны и притягательны для тех, кому они будут предложены. Тогда они станут их модой, нашей общей модой, не вызывающей протеста ни у кого.

«МИР — ПЕРЕМЕНА СТИЛЕЙ, ОДЕЖД КАЛЕЙДОСКОП»

Слова, вынесенные в заголовок, взяты из иронической поэмы известного советского поэта Евгения Винокурова «Фантасмагория одежды». Обращение к этой теме — не редкость у писателей, поэтов, философов всех эпох. И это, конечно, не случайно. Возникнув как чисто утилитарный предмет, одежда постепенно стала играть не одну практическую роль. Она стала временами как бы подменять самого человека, «говорить» от его имени, оповещать окружающих о том, что ему хотелось бы им дать знать.

Она пужна,

Как совесть,

Как сдержанность, как стыд.

Одежда —

Наша слабость.

А смысл-то в ней велик!

Е. Винокуров

Слитность человека с одеждой вследствие ее обязательности придала нашему отношению к ней особое значение, иное, чем к другим предметам, которыми мы пользуемся, — посуде, мебели, украшениям и пр. Одежду мы всегда рассматриваем как часть самих себя, как будто наша внешность не полна, не завершена, если тело не одето.

Портной,

Он как ваятель, —

Он создает людей.

Он лепит Аполлонов,

Ваяет Афродит.

Е. Винокуров

Какой была одежда, когда моды еще не было?

Одежда плохо сохраняется. Во-первых, ее просто изнашивают, во-вторых, материалы, из которых ее делают, истлевают. Поэтому источником изучения одежды древнейших времен служат главным образом изображения. Это и наскальные рисунки, и ритуальные статуэтки, амулеты, и прекрасные росписи греческих ваз, римская скульптура, фрески засыпанного пеплом города Помпеи, живопись великих и малоизвестных художников. Только с XV—XVI веков стали появляться специальные рисунки костюмов, так сказать, первые журналы мод. А настоящий журнал мод возник во Франции лишь в 1672 году, но ему уже предшествовали многочисленные гравированные и раскрашенные модные картинки.

О происхождении одежды, естественно, прямых свидетельств не сохранилось, поскольку ее возникновение относится к очень далекому времени. Но косвенные указания на наличие покровов тела у очень ранних из известных нам людей все-таки имеются. Таким свидетельством является, например, игла из прочной рыбьей кости, служившая для сшивания каких-то кусков. Едва ли первобытные люди стали шить что-либо раньше, чем одежду.

В Государственном Эрмитаже хранится статуэтка, найденная в Сибири, на которой ясно «прочитывается» одежда: курточка, штаны и шапка, по-видимому, сделанные из шкуры. Эта статуэтка датируется 20 тысячами лет до н. э.!

В раскопках каменного века (500 тысяч — 5 тысяч лет до н. э.) не удалось обнаружить ни одного предмета одежды. Но она была! Иглы, довольно тщательно сделанные, с ушком, скребки для выделки кожи, гребенки для расчесывания меха, высушенные кишки и сухожилия для соединения кусков шкур ясно свидетельствуют о «портновском» деле при первобытнообщинном строе. Среди самых древних находок есть и украшения — ожерелья из камней с отверстиями, зубов, костей, ракушек. Есть и более элегантные — бусы из янтаря и сланца. Поскольку украшения играли роль амулетов, оберег, они возникли едва ли не раньше всего остального, что человек надевал на себя.

В новом каменном веке (8000—3000 лет до н. э.) и в бронзовом (4000—700 лет до н. э.) развивается земледелие. Вот тут появляются уже ткани, в первую очередь льняные; затем используется и шерсть — эти волокна самые древние. Изобретается веретено, чтобы прядь нити, а потом и примитивный ткацкий станок в виде рамки из перекладин. Самые ранние находки тканей, вернее, их обрывков, кусочков, относятся к 3500 году до н. э.

Одежда Древнего Египта — один из примеров ранних форм костюма из тканей: набедренная повязка мужчин и сарафан (похожий на юбочку с длинными бретелями) у женщин. Такой костюм сохранится в беднейших слоях населения вплоть до нашей эры. Но у богатых он трансформируется: повязка у мужчин станет жестким передником в форме трапеции, треугольника или веера, затем этих передников носят и два, и три, а на торс надевают одежду с короткими рукавами; женщины поверх, а затем и под сарафаном носят легкие платья. Сандалии, парики (из волос или из шерсти) дополняют одежду. Постепенно ткани стали окрашивать, а затем и ткать на них цветные полосы. Так что рисунок полос — самый древний. Богатые египтяне носили много золотых и серебряных украшений с гравировкой, много жемчуга. Важным нововведением был широкий воротник, появившийся в период Нового царства (1580—1090 лет до н. э.). Фараон дарил воротники своим подданным в знак благодарности или расположения (в истории костюма воротник вновь появится лишь в позднем европейском средневековье).

Одежда людей, живших в Центральной Европе в бронзовом веке, уже представляет собой довольно разработанную

по форме и назначению структуру различных предметов. Здесь есть мантия-накидка с завязкой у шеи, а на талии ее стягивает пояс; короткие, примитивные брюки, высокие шапки и округлые колпаки, шарфы с бахромой, башмаки и обмотки к ним. Это носили мужчины. У женщин основой костюма служат юбка и кофта с рукавами, сшитые из тканей. Верхней одеждой были такие же, как у мужчин, накидки, а обувью — башмаки. Иногда ткани и головные уборы имели ворс в подражание меху. Так что идея создания искусственных мехов далеко не нова. Основными материалами для одежды, головных уборов и обуви служили мех, кожа и шерстяные или льняные ткани. На сохранившихся поясах видны узоры разных цветов, значит, существовало уже и крашение пряжи. Кроме того, встречаются пуговицы — разповидность так называемой двойной, напоминающей запонку или современную коротенькую катушку для ниток. Особенно частые находки — булавки, пластины на поясах, браслеты, кольца, другие украшения и оружие из бронзы — свидетельство достаточно высокого уровня производства.

Диодор Сицилийский (III в. н. э.), описывая галлов, рассказывает, что они имели белую кожу и рыжие волосы, а те, у кого волосы были другого цвета, мыли их известковой водой, чтобы они стали рыжими. Как свидетельствуют исторические источники, окрашивание волос бытует с глубокой древности, так же как парики древних египтян или ассирийцев.

Рельефные изображения на знаменитой колонне Траяна (114 г. н. э.) представляют одежду «варваров» в виде сагума (четырёхугольной накидки или пелерины), отделанного вышивкой по шерстяной ткани. Под сагумом — подобие блузы — туники и короткие штаны, а на ногах — башмаки «галики», или «галаш» (от названия «галлы»), и подобие чулок, сшитых из ткани. Пройдет несколько веков, пока европейцы придумают калоши (а по-старому «галаш»), увековечив в их названии «варварское» изобретение.

Благодаря свидетельствам римлян мы знаем, что носили «варвары». Ну а сами римляне, как одевались они?

Предметом гордости свободного римлянина была тога, потому что она была символом положения свободного человека, т. е. не раба. Не только раб, но и иностранец не носил тоги. «Тогатус» — только свободный гражданин Рима. «Владыки мира — народ, одетый в тоги», — писал Вергилий.

Тога представляла собою большой кусок шерстяной ткани, размером 6 м × 1,8 м или даже 2,5 м. Конечно, примитивное ткачество таких широких тканей было дорогим. Тем более что для торжественных случаев требовалась белоснежная тога, а отбелить шерсть трудно. И все-таки это был лишь прямой (иногда слегка округленный, как эллипс) кусок ткани! Но гордый и самодовольный римлянин компенсировал эту простоту сложными приемами драпировки.

На теле римляне носили туники — рубашки, сшитые на плечах и надевавшиеся через голову. Но в тунике, как в нижней одежде, обычно на людях не появлялись. Кроме того, были и некоторые другие разновидности плащей, но почти все они были прямоугольными кусками тканей, закрывавшими спины, а углы спереди связывали у шеи или на плече. Императоры носили лацерну — плащ из ткани, затканной золотом и серебром, который стоил очень дорого. Во время убийства Цезаря один из заговорщиков воскликнул: «Осторожно, не запачкайте лацерну кровью!»

Только в начале III века н. э. римляне заимствовали у «варваров» штаны и ввели их в одежду армии.

Женщины Рима носили одежду, похожую на мужскую: пижней и домашней одеждой была туника, чаще всего шерстяная; на тунику надевалась стóла, похожая на тунику, но с плиссированной оборкой по низу и поясом под грудью; плащ (палла) иногда одним концом покрывал и голову, но были и специальные легкие, типа вуали покрывала для головы. В одежде римлянок использовалась не только шерсть, но и лен, иногда затканый шерстью, и даже шелк. Фунт шелка стоил фунт золота! Обувью служили сандалии и легкие башмаки из цветной кожи. Фрески Помпеи дают очень живое представление об одежде римлянок. На изображенных фигурах можно видеть по две туники и стóлу из прозрачных тканей с отделкой вышивками и бахромой. Одежда поражает многоцветьем.

Богатые женщины и мужчины в Древнем Риме носили очень много украшений из золота, серебра, жемчуга, драгоценных камней, использовали опахала из павлиньих перьев. Однако одежда бедняков была совсем простой — шерстяной плащ (сагум — от «варваров»), круглая или полукруглая накидка с капюшоном, на теле — подпоясанная рубаха до колен, в непогоду носили деревянные башмаки,

О древнерусском костюме, к сожалению, известно не так много, как хотелось бы: древних рисунков и описаний одежд в имеющихся источниках очень мало, а находимые в древних погребениях остатки тканей не дают полного представления об одежде. Но металлические детали и украшения позволяют сделать предположение об общем живописном характере костюма.

На одном из рисунков XII века в церковной рукописи Псковского происхождения можно видеть одежду русского смерда: короткая (до колен) подпоясанная рубаха, похожая на косоворотку (так как слева от ворота есть надраз), штаны заправлены в высокие сапоги или носки. В курганах (захоронениях) крестьян-смердов от одежды мужчин сохранились пояса, а от женской одежды — украшения и остатки тканей, чаще всего шерстяных, причем шерсть окрашена, например, в красный цвет. Встречаются и льняные ткани — беленые холсты. Найдено много пуговиц — медных, костяных, возможно, были и деревянные, но дерево редко сохраняется. На женской одежде были пуговицы в виде бусин — сердоликовых, хрустальных, а иногда бубенчики. В рубашки и «свиты» (верхняя одежда из ткани) с боков вшивали клинья, так как холст был узким — 32—60 см. Рукава были длинными и внизу их иногда отделявали «зарукавьями», а ворот украшали «ожерельем» или «оплечьем». Рубашки шили из белой, синей, красной ткани.

Даниил Заточник (XII в.) самой бедной обувью называет лыченицу, или лычный сапог. С древнейших времен известно и слово «лапоть». В Лаврентьевской летописи (985 г.) есть слово «лапотники». В Новгородских раскопках найдено много остатков кожаной обуви, часто встречающейся и в крестьянских курганах. Это туфли-«поршни» из целого куска мягкой кожи и сапоги. Вместо чулок нога обматывалась опучами — длинными (до 2 м) льняными полосками ткани, а лапти и «поршни» прикреплялись к ноге «оборами» — шнурами. Известно, что монахи Киево-Печерского монастыря делали шерстяную пряжу, из которой вязали чулки и продавали их. В описаниях одежды русов упоминаются и носки. Штаны заправлялись в сапоги или обматывались опучами. Штаны называли «портами», но первоначально это слово означало одежду вообще: в Новгородской летописи говорится, что новгородцы перед Липецкой битвой скинули с

себя сапоги и «порты», т. е. одежду. Порты держались на шнурке — гашике, потом это слово означало и пояс для поддержания штанов. Когда теперь говорят «имеет в загашнике» — значит, человек что-то припрятал. Прежде было принято хранить спрятанное, таить за поясом деньги, важное письмо, ценную некрупную вещь.

Поверх рубашки в холодное время падевалась грубошерстная одежда из сермяги (отсюда «сермяжная правда» — народная, простонародная). Зимой носили шубы — медвежьи, заячьи, беличьи и, конечно, овчинные. Если овчину отделявали (дубили), то такая одежда называлась «кожух» (теперь — «дубленка»). Шапки шили из сукна и войлока, похожие на колпак, высокий или низкий, иногда с отворотом. В своей первооснове древняя одежда сохранялась в народном костюме до наших дней.

«Нам — можно, а вам всем — нельзя!»

«Не лепо у свинии в ноздрях рясы златы тако на холопе порты дороги». Так в «Слове» Даниила Заточника сформулировано значение одежды в разделении людей по условиям. Холоп, как свинья, не должен носить ни золотых серег, ни дорогой одежды, ибо он должен знать свое место в социальной иерархии, быть (и оставаться!) в самом низу. Какая же здесь может родиться мода? Здесь все направлено к тому, чтобы сохранить существующий порядок вещей, чтобы каждый и думать не смел об изменениях. Значит, любое нововведение становится подозрительным: не посягательство ли это против порядка?

Римлянин, свободный гражданин, без тоги перед людьми, равными себе, появиться не мог. А при рабе-мужчине римлянка спокойно переодевалась, обнажалась, купалась. Ведь раб — вещь, он не смеет обнаруживать своих чувств, и нужно ему об этом напоминать даже поведением госпожи.

Египетский фараон как величайшую милость своим подданным мог подарить воротник. Только из его рук можно было получить эту деталь костюма, он — полновластный ее владелец, ибо только он имеет право носить воротник. И только он мог «отщипнуть» от этого права, разрешив иному

носить этот предмет не как знак равенства, а как знак милости верховного правителя.

Но мало утвердить свою власть, надо еще как-то отметить и тех, на кого эта власть распространяется. В Древней Элладе, стране, вознесшей гармонию человека на пьедестал идеала, презрительно отделяли рабов: коротко стригли и мужчин и женщин, ставили на тело клеймо, а на шею надевали ошейник. Хотя здесь рабам еще разрешалось носить национальную одежду, а хозяин два раза в год выдавал своим рабам по куску ткани и паре обуви. В Риме рабам нередко вообще запрещали носить одежду, кроме набедренных повязок.

Обозначение с помощью одежды социального места людей в классовом обществе — общий закон практически у всех народов. В Древнем Риме полководец-триумфатор носил красную тунику, расшитую золотыми пальметами. На тунике сенатора были две красные полосы, расположенные спереди, туники всадников имели одну или две узкие красные полосы, цензоры (сборщики налогов), преторы (судейская власть), квесторы (заведующие государственной казной) носили тоги с красной полосой по долевному краю или по линии сгиба и т. д.

То, что правящие классы всячески обозначали свое положение, что среди всего прочего одежда была самым наглядным и общедоступным для обозрения символом, кажется, понятно. Но есть так называемый закон движения по вертикали, т. е., попросту говоря, в любом человеческом обществе существует стремление людей передвигаться от низшего социального уровня к более высокому. Вот этот-то социологический закон и побуждает людей нарушать принятые обычаи, установления и на практике реализовать свои устремления. Раз у кого-то есть привилегии, а они тем больше, чем выше социальный слой, то, естественно, лишепные этих привилегий стремятся их получить. И тут одним из наиболее доступных символов этого памерения служит одежда.

Вот почему в те времена так пристально наблюдали за соответствием одежды положению человека в обществе: раз есть нарушения, должны быть и ограждения от них и наказания. С рабами было относительно легко расправляться: они принадлежали своему господину. Со свободными гражд-

данами — труднее. Приходилось издавать специальные указы, запрещавшие использование тех или иных тканей, орнаментов, украшений, даже причесок. Это было уже в период Римской империи.

Но особенно много указов против ношения одежды «не по чину», против новых форм платья было издано в период средневековья. Светская и духовная власти здесь шли рука об руку. Карл Великий (768—814 гг.) издает специальный указ о запрещении крестьянам расходовать более 6 локтей ткани на халат или куртку (разновидности верхней одежды этого времени). На соборе в Монпелье (1195 г.) выносятся запрещение носить узкие, облегающие фигуру платья под страхом отлучения от церкви. Филипп Красивый еще в XIII веке издает закон против роскоши в одежде (разумеется, в одежде своих вассалов, а не своей). Но горожане не выполняют приказ короля, предпочитая платить штрафы. Францисканские монахи в середине XV века добились разрешения папы Евгения IV не отпускать грехов женщинам, носившим шлейфы или даже только шившим их для других.

Но все это — призывы к «низшим». А «высшие» могут себе позволить, что им заблагорассудится, лишь бы выделиться, отстоять свое особое положение. В 1414 году (шла война) герцог Карл Орлеанский израсходовал 276 ливров, чтобы иметь 960 жемчужин для своего платья с вышивкой нот мелодии и словами песни: «Мадам, я так счастлив...» и т. п. А шлейфы? Они строго определены по длине. Королева имеет шлейф длиной 11 локтей, принцессы — 8 локтей и т. д. в соответствии с занимаемым местом в окружении королев. Но тех, кто их шил, как мы уже говорили, лишают отпущения грехов, чтобы не было соблазна подражать!

В 1514 году в Венеции была создана специальная служба надзора за «правильностью» костюма горожан. У нарушителей «правильности» платье отнималось, но дело могло дойти и до лишения жизни.

Генрих IV (последний король Франции XVI века) издал несколько указов о борьбе с роскошью в одежде; в одном из них есть примечательные слова: «Мы запрещаем всем нашим подданным носить на себе итальянские кружева, золото, жемчуг, алмазы, исключая публичных женщин и мошенников, которых мы считаем слишком низкими для

того, чтобы удостоить чести нашего внимания». Судя по сохранившимся портретам короля, к себе он был менее строг. Зато кардинал Мазарини, имевший огромное влияние на другого французского короля, издал в 50-х годах XVII века ордонанс, запрещающий даже королю и особам королевского дома отделять одежду золотым и серебряным позументом. В результате королевский дом стал в изобилии использовать для отделок ленты, не забыв другим ордонансом дать перечень сословий, которым не дозволялось носить ленты! В этот период истории главной мишенью запретов была богатевшая буржуазия, а почему именно она — ответ можно найти в блестящих комедиях Мольера. «Эх, батюшка с матушкой, ну как тут не помянуть вас лихом! — восклицает господин Журден в комедии «Мещанин во дворянстве». — Эх, зачем я не учился прежде!»

Когда при французском дворе возник новый фасон курток — «жюстокор», т. е. кафтан, известный и по французской и по русской одежде с XVIII века, то король Людовик XIV лично давал разрешение появляться в нем при дворе. Этот кафтан называли «жюстокор по привилегии», потому что эту «привилегию» сначала получили всего 50 человек придворных!

У богатых была еще возможность выделяться и количеством одежды. Русские бояре имели обычай вплоть до XVIII века носить по три-четыре тяжелых платья и по две, а то и три-четыре шубы, так что едва могли в них передвигаться (видимо, их медленный шаг и породил представление о степенности как медлительности). В европейских государствах XIII века тоже носили по три—пять одежд одновременно. А вот картинка из XV века: щеголи носят по две шляпы — одну на голове, другую за спиной.

Народная одежда, костюм трудящихся горожан в основе своей всегда был более простым, а носивший его не имел подобных обычаев: одежда стоит денег, к тому же она должна быть удобной во время работы. А дворянские щеголи тратили на одежду подчас почти все свои доходы. Существовала даже такая поговорка: «Состояние дворянина на его плечах», т. е. все вложено в костюм.

В самом начале XVIII века известными реформами Петр I ввел в России европейский костюм, избавив (правда, против их воли и даже при сильном сопротивлении) бо-

ярскую знать от пудовых одежд. Но уже при Екатерине II в придворных кругах расцветает роскошь. Многочисленные фавориты царицы (Потемкин, Орлов) показывали в этом пример. Русский посол в Париже князь Куракин отмечен в истории, в частности, и тем, что один из его костюмов был украшен более чем 500 бриллиантами, нашитыми на полах камзола и обшлагах кафтана. Из-за этого костюма он получил прозвище «бриллиантовый князь». Роскошь достигает такого размаха, что Екатерина II издает специальные постановления, регламентирующие костюм, ставящие определенные границы дозволенному в одежде подданных, — «Об уборе дам, имеющих приезд ко двору» и «О назначении, в какие праздники какое платье носить особам обоего пола, имеющим приезд ко двору».

Изменения, происходившие в костюме, были, конечно, отражением не только социально-классовой структуры общества, но и развития производительных сил, обеспечивавших возможности изготовления новых материалов, их отделки, крашения и т. п. Авторы, пишущие об истории костюма, а особенно моды, подчас оставляют этот вопрос в стороне. А между тем рыбы, каменные и бронзовые иглы, ручной ткацкий станок сыграли не меньшую роль в развитии одежды человека, чем колесо в развитии транспорта. В течение тысячелетий человечество использовало, например, веретено, прежде чем появились прядильные машины. Не только рабы или крепостные крестьяне вручную пряли, но и дочери Карла Великого, например, учились этому. Прясть и ткать было обычным женским делом в среде даже богатых людей, тем более плести разноцветные тесьмы и вышивать.

Одновременно шел поиск новых выразительных средств в костюме с помощью изменяемых покроев, форм, материалов. Было и подражание, следование примерам новой одежды, возникающим в одной группе, людьми иных социальных слоев, находящихся на более низких уровнях общественной иерархии. Это обстоятельство, т. е. распространение нового — мода, чаще всего служило поводом для появления законов о запретах и ограничениях на ношение одежды, применение тканей, отделок, украшений.

«Побольше ситчика моим комсомолкам!»

«Революция, изменяя внутреннее содержание жизни, сказывается также и на внешних ее формах, в частности, на одежде. С одной стороны, это происходит от желания найти новые внешние формы для выражения новых идей, с другой стороны, влияют экономические условия... Господствующее значение приобретают новые классы общества, что также не может не отражаться на внешних формах быта...» — так писал один из авторов первого советского журнала мод «Ателье», вышедшего в 1923 году, в статье «Костюм и революция».

Рядом с огромным значением слова «революция» слово «костюм» как бы превращается в едва различимую точку. Но в том-то и дело — революция так громадна, так всеобъемлюща, что ничто не может остаться в стороне, не соотноситься с нею. Тем более костюм, который веками, тысячелетиями был неразрывно связан с классовой структурой общества, символизировал принадлежность людей к определенным социальным слоям. Если этих слоев больше нет, если новый класс завоевал ведущее, главенствующее место и начинает строить новое общество, то возникают вопросы: каким должен быть костюм в этом обществе? Что будет и что не будет ему соответствовать?

Эти вопросы всерьез волновали многих людей, в первую очередь деятелей культуры, художников, писателей, руководителей нашей страны в послереволюционные годы.

В 1928 году в приложении к журналу «Красная панорама» была помещена статья наркома просвещения А. В. Луначарского «Своевременно ли подумать рабочему об искусстве одеваться?». Вот какие мысли высказал нарком по этому поводу:

«...Цель наша — поднимать культурный уровень пролетариата и крестьянства; а в эту культуру входит, конечно, чистая, опрятная и приличная одежда...

Конечно, с каждым днем нашего хозяйственного процветания будут улучшаться квартира рабочего, пища его, его времяпрепровождение, разумеется, и одежда. Люди пожилые и старые будут одеваться скромно, по удобно и чисто; а людям молодым сама природа их велит немножко

играть с костюмами, стараться подчеркнуть свою миловидность, силу, грацию.

На это иные говорят: «...одежда имеет отношение к полу и приводит к развращению нравов». ...Предоставьте эти слова тем, из уст кого они впервые изошли, т. е. понам...

...Конечно, искусство одеваться не может занять особо большого места ни абсолютно, ни относительно; но оно все-таки должно представлять собою довольно заметную графу».

В 1919 году было создано первое объединение швейных фабрик — «Москвошвей». Правильнее их было бы назвать мастерскими, так как работали они еще по технологии, близкой ремесленной. В условиях гражданской войны 14 предприятий шили военную одежду и только три — бытовую простейших фасонов, в основном пригодную для работы. После окончания войны большую часть предприятий перевели на выпуск бытовой одежды. Их стали оснащать более производительным оборудованием — электрическими утюгами и прессами, закупленными в Америке.

Но начался НЭП, открылись «шикарные» магазины, торговавшие одеждой по «последним парижским модам». Цены были астрономические, и создавалось впечатление, что вернулись прежние времена, а с ними и прежняя мода, одним — доступная, другим — нет. Вот тогда и было решено открыть первое государственное Ателье мод при Москвошвее (1922 г.). Это Ателье было провозвестником будущих домов моделей и одновременно привычных для нас ателье мод, в которых можно заказать одежду индивидуально. В новом Ателье мод сразу закипела работа. Были приглашены замечательные художники, в том числе скульптор В. Мухина, театральный художник А. Экстер, художник-прикладник, знаток народного искусства Е. Прибыльская. В штат были набраны опытные закройщики, портные и даже манекенщицы. Среди заказчиков — выдающаяся певица А. Нежданова, солистка Большого театра А. Тихонова, солистки оперетты К. Новикова и Р. Лазарева и другие артисты Москвы. Но это не значит, что Ателье работало только на художественную интеллигенцию. К нему были прикреплены две фабрики, где по моделям шили одежду для массового покупателя.

Стал выходить журнал мод, названный «Ателье». В его

работе участвовали поэты и писатели, художники и искусствоведы, имена которых уже в те годы были широко известны: А. Н. Бенуа, А. Головин, И. Грабарь, Б. Кустодиев, В. Мухина, К. Петров-Водкин, К. Сомов, И. Фомин, С. Чехонин, К. Юон, А. Ахматова, М. Кузьмин, Н. Пунин, С. Радлов, Конст. Федин, О. Форш, М. Шагинян, А. Эфрос. Новая культура созидалась выдающимися ее деятелями. Ответственным редактором журнала была О. Сеничева-Кашенко, которая организовала Ателье мод, а затем и специальные выпуски «Кинохроники мод», один из которых хранится в Государственном архиве документальных фильмов.

Н. И. Сац в книге «Новеллы моей жизни» вспоминает один из своих нарядов, купленный в Ателье мод, который удивил иностранцев: они хотели сделать комплимент, предположив, что красивый туалет приобретен в Париже.

А в Ателье мод думали над тем, как создать красивую, недорогую одежду, соответствующую вкусам широких народных масс.

Уже в 1925 году на Всемирной выставке в Париже советские модели из простых льняных полотен получили «Гран-при». Их авторами были Е. Прибыльская, В. Мухина, Н. Ламанова и Н. Макарова.

Художники работают практически с 1918 года, ищут, спорят, творят. А мода уже существует, живет, видоизменяется в широких слоях трудящихся — рабочих, служащих, в среде молодежи. Народные массы созидают ее своим повседневным отбором тех или иных вещей, приспособлением, переделкой, подгонкой не только к фигуре, но, главное, — к жизни. Кто не знает внешних примет комиссаров революции, девушек-рабфаковок или работниц фабрик? Кто по костюму не отличит нэпмана от советского служащего, интеллигента от крестьянина на photographиях 18-го, 20-го, 26-го годов? Но ведь не художниками была предложена кожаная куртка комиссара, красная косынка работницы, толстовка и френч служащего. Их породило время, их выбрали люди в соответствии со своими целями и деятельностью в это время. Они распрощались с прошлым и преобразовали свою одежду применительно к настоящему. Так зарождалась и развивалась новая бытовая культура, частью которой является костюм.

В первые послереволюционные годы понимание значе-

ния моды было противоречивым. Споря о перестройке быта, культуры, костюма, даже единомышленники в политических взглядах бывало не находили общего взгляда на моду. И в результате дискуссий, диспутов, демонстраций (например, членов общества «Долой стыд» или поборников однобоко понимаемого спортивного стиля в одежде, выходивших на улицы обнаженными или строем в одних трусах) было решено считать моду буржуазным предрассудком, реакционным и враждебным явлением, чуждым коммунистической культуре быта.

Сегодня это, конечно, можно понять и объяснить. «Однако отрицание моды вообще привело к тому, что... слово «мода» было заклеено как буржуазное. Модный костюм воспринимался как абсолютно неутилитарная форма... Даже шляпы и портфели как принадлежность буржуазии на это время подверглись остракизму», — пишет Т. Стриженова в книге «Из истории советского костюма».

Но жизнь шла своим чередом. Все больше фабрик вступало в строй, все больше становилось «ситчика для комсомолок», швейники шили женские платья и детскую одежду, выходили новые журналы для женщин с модными картинками. В 1932 году проходит Всесоюзный смотр одежды, в 1934 году в «Правде» публикуется фельетон И. Ильфа и Е. Петрова «Директивный бантик», протестующий против упрощенных фасонов и однообразия одежды. Прав был нарком Лупачарский, связавший интерес к красивой одежде с налаживанием хозяйственной жизни в стране, ростом культуры и благосостояния трудящихся масс. В 1934 году в Москве открывается первый Дом моделей по разработке образцов для промышленности. Его возглавляет Н. С. Макарова — крупнейший советский модельер, удостоенная в 1925 году «Гран-при» на Всемирной выставке в Париже. В 1936 году в Текстильном институте начинают учить художников-модельеров по новой, более широкой программе общехудожественной и промышленной подготовки.

Эти и, конечно, множество других событий тех лет отражают огромные изменения, происходившие в культуре быта Страны Советов, в разных ее республиках, а не только в Российской Федерации. А дальше можно вспомнить известные кинофильмы. В 1940 году героиня В. Марецкой («Член правительства») — простая крестьянка выступает с трибу-

ны в костюме английского покроя, а героиня Л. Орловой («Светлый путь») — работница-ткачиха — носит удобный и красивый комбинезон, нарядные, даже элегантные блузки и платья. Не только «ситчик», но и шелк носят уже и в деревнях (по праздникам); и не только плюшевые жакеты или суконные полупальто носят работницы и крестьянки, но и драповые, модного силуэта, с меховыми воротниками, которые шьют на швейных фабриках. Дети крестьян и рабочих одеты в удобную, опрятную, нарядную одежду и обувь по своему росту и размеру, а не «с чужого плеча». Служащие, интеллигенция, жители крупных городов одеваются по общеевропейской моде, женщины носят небольшие шляпы с вуалетками, изящную обувь на каблуках, мужчины — в шляпах, в деловых элегантных костюмах, в рубашках с галстуками. Праздничная одежда городских жителей практически не отличается от будничной в среде интеллигенции и рабочих. Различия сохраняются лишь в повседневной одежде, связанной со спецификой труда, или в силу традиций.

Что же, вернулась «буржуазная мода»? Ничуть не бывало. Демократические тенденции развития массовой моды сделали ее равно приемлемой в разных странах, у разных народов.

Советское моделирование прошло трудный и большой путь. На нем были победы и поражения, отступления и счастливые открытия нового.

Сегодня дома моделей одежды нашей страны ведут перестройку организации своей экономической и производственной базы, они будут работать в обязательном контакте с промышленностью. Это поможет исключить прежние казусы, когда идеи советских художников сначала становились модой за рубежом, а потом уж, оттуда, эта мода попадала к себе на родину.

В нашем искусстве создания костюма много славных имен. В. Аралова, В. Горюхиц, А. Черемных, Л. Турчановская, Т. Файдель, М. Вышеславцева, К. Божнева, А. Донская, Н. Голикова, И. Вольман, Э. Паузере и многие другие уже отошли от практического моделирования, но их заслуги очень велики, их идеи обогатили и международную моду.

Большой отряд талантливых модельеров работает сегодня в промышленности. Среди них наиболее известны Л. Те-

легина, Г. Гагарина, Е. Стерлигова, Т. Мокеева, Т. Большакова, В. Зайцев, И. Крутикова, Т. Осмеркина, С. Качарава, И. и В. Булгаковы, А. Чекунина. Художники Е. Иванова и А. Игманд в 1986 году стали лауреатами премии Ленинского комсомола за разработку моделей молодежной одежды к Всемирному фестивалю молодежи в Москве и за внедрение этих моделей на промышленных предприятиях. В. Зайцев удостоен звания «Заслуженный художник РСФСР», Л. Телегина награждена орденом Трудового Красного Знамени. Так страна отмечает не только талант этих художников, но и значение их дела, их профессии,

ДЛЯ ЧЕГО МЫ НОСИМ ОДЕЖДУ?

Наверное, каждый человек, даже ребенок, недавно начавший говорить, удивленно пожмет плечами в ответ на этот вопрос: все знают «зачем» — чтобы было тепло, чтобы было удобно, наконец, потому, что все носят.

Если полистать журналы мод, пройти вдоль кронштейнов с одеждой и полку с обувью в универмаге, если просто вообразить, вспомнить разновидности одежды, обуви, сумок, шапок, шарфов и шалей, поясов, носков и чулок, то наверняка ответ усложнится, «Чтобы было тепло» — да. «Чтобы было удобно» — да. «Потому что все носят» — тоже совершенно верно, но... В этой части ответа есть уже некоторая расплывчатость, неопределенность. Что значит «все носят»? Все носят, а ты не носи — сегодня душно, жарко. Ну оберни «чресла» каким-нибудь куском ткани да ступай на улицу, догони автобус, спустись в метро, войди в аудиторию, в цех, в канцелярию! Нет. Невозможно. Дрожь пробирает от одной мысли.

Был однажды такой случай. Группа студентов во время

летней экзаменационной сессии как-то очень веселилась, озорничала, и двое молодых людей поспорили. Один был с актерского факультета театральной студии, другой — филолог. Будущий артист уверял, что может все что угодно сделать на людях (это ему казалось главным в будущей профессии). А филолог поставил свою стипендию, если актер пройдет в одних бельевых трусах от метро «Площадь Революции» до Большого театра (одно из самых многолюдных мест в Москве). И проиграл стипендию, так как актер, разгоряченный «болельщиками», прошел этот путь. Его никто не остановил, никто не сказал ни одного слова (может быть, несколько старушек ахнули от удивления). У колоннады наконец к нему подошел милиционер. Оштрафовать, арестовать? Нет — спросить, не пужна ли помощь: он решил, что с человеком что-то случилось — обокрали, выбежал из горящего помещения или еще что-нибудь в этом роде. Тем более, что лицо молодого человека говорило о страшном напряжении — глаза горели, а щеки были серо-белыми, губы сжаты, руки как-то суетливо двигались, стремясь прикрыть тело. Инцидент был благополучно исчерпан. Милиционер, сам молодой, посмеялся вместе со студентами, когда они ему объяснили, что это — пари. Но актер весь вечер был не так весел и остроумен, как обычно, хотя пытался восстановить свое душевное равновесие. Это, видимо, было нелегко.

Отношение человека к самому себе гораздо прочнее связано с одеждой, чем нам подчас кажется. Вот, например, на фронте молодые люди немного переделывали военную форму по моде тех лет: подставляли «подплечики»; девушки укорачивали юбки, сминали, укорачивали сапоги «гармошкой», прилаживали пилотки и фуражки к лицу — в каждом блиндаже был хоть осколок зеркала. Странно, казалось бы, на фронте думать о своей внешности: вокруг снаряды и бомбы рвутся, смерть и увечье грозят, до длины ли юбок тут? Но пока человек жив, он, осознавая себя человеком, беспокоится о своем внешнем виде и, подчас неосознанно, о настроении и состоянии других, с кем он делит опасности, нелегкий военный труд.

Б. Блинов, мастер-закройщик высшего класса, в своей книжке «По одежке встречаются...» приводит интересный факт. «...Недавно я узнал о довольно любопытном эпизоде из жизни Ф. Э. Дзержинского.

Феликс Эдмундович был арестован царской охранкой. В тюремной камере, куда его поместили, сидели двое ребят-гимназистов. Мальчиков арестовали за издание рукописного литературного журнала, в котором инспектора гимназии и полиция усмотрели крамолу. Четырнадцатилетние ребята, дети из состоятельных семейств, совсем пали духом. Целыми днями валялись на нарах. Одежда их была помята.

В первое же утро Дзержинский разбудил мальчиков:

— На зарядку!

Соседи недоуменно посмотрели на Феликса Эдмундовича.

— Подымайтесь, подымайтесь, — поторапливал он удивленных ребят.

После гимнастики Дзержинский сказал повеселевшим гимназистам:

— Теперь нужно привести в порядок себя и свою одежду. Запомните: настоящий человек должен и в тюрьме оставаться человеком... И стал обучать ребят испытанным в ссылках способам, как обходиться в этих случаях без утюга».

Внешний вид, а значит, и одежда играют большую роль в самосознании человека, в его настроении, поведении, в поддержании чувства собственного достоинства. К сожалению, у нас в быту, да подчас и в процессе воспитания детей, подростков, молодежи, чаще говорят о моде, чем об облике человека в неразрывной связи его внешнего вида и внутреннего содержания.

«По одежке встречают...»

Нет такой книжки, даже статьи или заметки, где, говоря о моде вообще или об одежде, не вспомнили бы поговорку: «По одежке встречают, по уму провожают». Известна она всем, а толкование ее может быть многогранным. Например, можно так: все равно в конечном итоге судить будут по уму, так что значение одежды вторично. А можно и с другой стороны: смотри, чтобы не разочаровались, надо и внешним обликом представить себя достойно.

Новое общество, строительство которого началось в нашей стране после октября 1917 года, отменив неравенство, отнюдь не отменило общего назначения одежды в жизни че-

ловека. Напротив, оно немало приложило и прикладывает сегодня усилий, чтобы сделать одежду всех людей, без различия должностей, дохода, образования и т. п., красивой, разнообразной, соответствующей требованиям самих людей и общества в целом по отношению к каждому человеку. Обычай носить одежду сохранился, но содержание его значительно изменилось.

Содержание обычая носить одежду связывает ее форму, ее применение, вообще отношение к ней с самосознанием человека и его пониманием общественных связей, личной ответственности и места каждого человека в системе этих связей. Люди работающие, трудолюбивые и обладающие чувством собственного достоинства вне зависимости от общественного положения одевались хорошо и всегда придавали этому должное значение. Достаточно вспомнить портреты крестьянских девушек работы художника Венецианова, русский (да и любых других народов) национальный костюм, нарядные варианты которого остаются образцами красоты и высокого вкуса для наших современников.

Замечательная советская актриса М. И. Бабапова вспоминала, как (еще до революции) аккуратно, красиво, даже элегантно одевался ее отец — квалифицированный рабочий-токарь одного из московских заводов. Он не был франтом, тем более мотом, но имел основания уважать себя, что и отражалось, в частности, в его костюме, манерах. И окружающие получали вполне справедливое о нем представление уже «по одежке».

Каждому новому поколению предстоит в свое время и в определенной исторической обстановке осваивать традиции, обычаи и общепринятые нормы. Конечно, легче, быстрее усваивается внешняя сторона, ее очевидные приметы, детали. Труднее проникнуть во внутренние закономерности, содержание, взаимосвязи, предопределяющие внешнюю форму. Для молодежи в этом случае очень важна окружающая среда, ее критерии, поступки, идеалы, воплощенные в наглядных примерах, не нарочито-назидательных, а в естественно происходящих событиях обыденной жизни. Если семья не дает таких примеров или то, что происходит в семье, резко расходится с постулатами воспитателей (в детском саду, в школе, училище и т. д.), заметную роль может играть кол-

лектив, группа сверстников, молодежная компания, подающая хорошие, т. е. с правильной ориентацией, примеры.

Пу а если нет такой компании, если коллектив оказался дезориентированным, расколотым, не монолитным в своих нравственных ориентациях? Главное и при этих и при других, даже самых благоприятных, обстоятельствах — собственная работа ума и сердца, внимание к своим чувствам, порывам, ощущениям и постоянное наблюдение жизни окружающих людей. На эту самостоятельную работу — самая большая надежда, она, как правило, выводит на верный путь оценок, помогает глубже, крепче усвоить отличие хорошего, настоящего от поддельного, плохого, неправильного.

Устаревшие, изжившие себя и вредные обычаи особенно часто сохраняются в среде людей, не обремененных высоким уровнем сознания, не затрудняющих себя формированием собственных взглядов, проникновением в суть явлений жизни. Как правило, они избирают самую легкую позицию: бездумное, неразборчивое подражание.

Обычаями практически обставлена вся наша жизнь. Они вносят определенный порядок в наши взаимоотношения. Если обычай соответствует сути той жизни, в которой он бытует, если он не отстал, не «уводит» людей в сторону от реально существующих условий и общепринятых форм общения, то такой обычай стоит сохранить, стоит передавать его по наследству. Но если обычай, тем более традиция, отстал от времени, то, по словам К. Маркса, такие «традиции... тяготеют, как кошмар, над умами живых»¹. В. И. Ленин указывал, что укоренившиеся привычки, которые поддерживали капитализм, оказалось невозможно разбить сразу: «Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила»². Привычка — часть психологии людей, а переработка психологии, говорил В. И. Ленин, «...есть дело, требующее поколений»³.

Традиция подменять одеждой высокие духовные ценности, кичиться ею, утверждать с ее помощью свое превосходство над другими людьми — ушла. Ее сменила новая, смысл которой, основа — уважение к труду, к тем, кто трудится, кто трудом зарабатывает и по труду потребляет. Здесь нет

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 8. — С. 119.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 27.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 43. — С. 60.

места излишествам, бессмысленной роскоши, нет места тра-там не по достатку, «лишь бы выглядеть, как побогаче». Но есть уважение к скромности, к опрятности, к красоте и фантазии, понимаемым как выражение высокого личного вкуса и уважения к окружающим. Красота, подлинная, гармоническая, не может никого унижить, ни того, кто способен ее воплотить, ни того, кто способен ею восхищаться. Нужно, чтобы «одежка» и «ум» не противоречили друг другу, не вводили в заблуждение окружающих, а, главное, самих тех, кто в «одежке».

Уважение к себе и окружающим

Для любого человека есть два главнейших чувства, которые он хотел бы вызвать к себе и которые он хотел бы питать к окружающим, — уважение и любовь. Любовь — чувство глубоко личное, интимное, в редких, наиболее значительных, крупных личностях способное подняться до общественных, всечеловеческих масштабов.

Другое дело — уважение. Уважать нельзя просто так, ни за что (а любить-то можно! Отчего и бывает так трудно объяснить причины этого чувства), даже самых близких, родных, или наоборот, скажем, самых известных, поднявшихся наиболее высоко на общественной лестнице. Уважать можно только за какие-то достоинства, поступки, действия, может быть, слова, знания. Но больше всего — за дела. Поэтому-то так важно для человека чувствовать уважение к себе, т. е. к результатам своих усилий, своего дела.

Уважение имеет ту особенность, что оно почти никогда не бывает без взаимности. Дело в том, что люди уважают друг друга, если ценят в жизни одни и те же качества, достоинства, т. е. имеют одинаковый ценностный ряд. Ну, в самом деле, если кто-то не считает честность достоинством, то никак не будет вызывать у него уважения тот, кто честен. А если, напротив, один ценит в другом это качество, то и сам, очевидно, должен быть честным. Следовательно, и его есть все основания уважать. Выбор объекта уважения зависит от нравственных критериев того, кто уважает другого. Если эти критерии низменны, если они ложны по сравнению с общественно признаваемыми достоинствами, тогда чувство

может остаться без взаимности. Например, иной подросток восхищается смелостью, независимостью, физической силой здорового парня, которого сторонится вся округа. Он думает, что уважает его, потому что робеет перед ним, но чувствует себя под его покровительством в безопасности. А тот совсем не питает к нему таких же чувств, он может воспользоваться его подчиненностью, помыкать им, сохраняя его при себе для услужения по мелочам, может и защитить, поощрить. Но уважать?..

Уважение к другому возможно только на основе уважения к самому себе. Это — особое чувство, в котором равенство человеческого достоинства, равенство, взаимность высокой оценки достоинств личности, во-первых, принимается априорно (т. е. заранее, как условие), а во-вторых, взаимно подкрепляется делами и поступками, высказываемыми взглядами, словами. Но есть тонкости в изъяснении этого чувства. Его редко прокламируют, повторяя друг другу: «Я тебя уважаю», а чаще проявляют просто в различных знаках внимания, в словах и интонациях, своем поведении в отношении того, к кому питают это чувство.

Есть уважительность — форма общения с людьми знакомыми и незнакомыми, в любой обстановке. Это не само чувство, а лишь форма, предполагающая его, если объект окажется достойным. Кроме того, это — воспитанность, интеллигентность. В такой форме как раз заложено отражение самоуважения. Человек, обращающийся к другим мягко, сдержанно, ненавязчиво, к незнакомым всегда на «Вы», отнюдь «не слабак», как наивно полагают подчас малоопытные люди (чаще всего подростки, да и двадцатилетние тоже нередко). Это обычно люди с чувством собственного достоинства, даже самолюбивые, но не заносчивые, и главное, воспитанные. Такие люди чаще всего обладают сильной волей, которую дает не физическая сила, а душевные качества. Именно эти люди наиболее свободны внутренне, ибо свободны от чувства униженной зависимости.

Одной из форм проявления уважения к окружающим служит одежда, внешний облик человека наряду с другими внешними формами поведения. Это можно легко представить себе на общеизвестных примерах. Зрители в концертном зале будут оскорблены, если артисты выйдут на сцену в мятой повседневной одежде, нечищенных башмаках, со вчераш-

ней порослью на щеках. А артисты будут благодарны зрителям, теснящимся перед импровизированной эстрадой в пещу, хотя их одежда — рабочие замасленные спецовки и комбинезоны. Хозяева не получают удовольствия от встречи с друзьями, если их гости на праздник придут в домашних шлепанцах (скажем, друзья-соседи, живущие на той же лестничной площадке), в потрепанных тренировочных костюмах, женщины — в бигуди с натянутыми на них платочками. Все испытают неловкость, если на собрании выступающий с докладом будет в модной майке с открытой спиной (молодая женщина) или в майке с яркой надписью на груди и без рукавов (молодой мужчина). Нарушения, казалось бы, несущественные: артисты хорошо вели концерт, гости собрались вовремя, и все откликнулись на приглашение, доклады были по существу и интересны. Но уважение не было выражено в общепринятых формах, и это (обязательно) несколько поколебало уверенность в его «взаимности» (во-первых), а может быть, поставило под вопрос и искренность тех, кто не счел нужным утруждать себя «мелочами», всего-то на-всего — одеждой (во-вторых).

Это, скажем так, — примитивные, даже грубоватые в своей крайности примеры (хотя, увы, встречается и такое). Но вот молоденькая девушка отправляется на день рождения своей подруги. Что надеть? Есть новое (может быть, и дорогое) платье, которое как раз дожидается случая в шкафу. Оно очень заметное, очень нарядное, у подруги ничего подобного нет. Но ведь именины-то ее, она — главный человек на этом празднике, она должна быть центром внимания. Тут уж уважение не в твоём наряде проявится, а как раз в том, чтобы суметь от него воздержаться.

Молодые люди в первый период влюбленности нередко приглашают друга или подругу на прогулку, в театр. Втроем, вчетвером легче разговаривать, преодолевая волнение, смущение, боязнь преждевременно слишком открыто вы-явить свои чувства, допустить оплошность, ведь в этой ситуации каждый пустяк кажется и важным и заметным. Как одеться подруге, товарищу, чтобы не оказаться «конкурентом», не доставить ненужного (скорее всего, и беспочвенного) беспокойства? Но ведь и слишком повседневно, обыденно, а то и неряшливо одеться — тоже неверно: может быть,

товарищ хотел при поддержке друга и себя представить в лучшем свете («Скажи мне, кто твой друг...»)?

Чувство меры — это не какая-то серенькая серединка, не оставляющая никакого впечатления, никакого воспоминания. Это — точное попадание в цель. Когда нужно, чувство меры подскажет: нужно много, нужно чуть-чуть и т. д. Но в юности, как правило, еще нет опыта, еще не выработалось это особое чувство, именуемое хорошим вкусом. Кстати, часто думают, что вкус проявляется лишь в умении подобрать цвет, приладить к своей внешности платье, прическу, правильно сочетать предметы в ансамбле одежды. Настоящий вкус значительно шире всего перечисленного. Развитый вкус и есть прежде всего чувство меры: умение определять и меру (сколько цветов, деталей, отделок в одном предмете одежды будет красиво, как их сочетать и т. п.), и обстановку, ситуацию, для которой подойдет та или иная мера. В основе чувства меры, т. е. вкуса, лежит чувство уважения к окружающим и к себе. К себе-то как раз в тех главных качествах, которыми определяется уважение и к другим: справедливость, честность, гордость, верность в дружбе и товариществе, щедрость души и т. п.

Получается, что вкус связан с чувством уважения, которое мы испытываем к другим и вырабатываем в самих себе. Тот, кто правильно понимает это чувство, кто не только слышал, знает о нем, но живет по его законам, никогда не промахнется, никогда никого не ранит, не только словом или поступком, но и своим внешним видом.

Б. Л. Пастернаку, замечательному поэту, эрудиту и человеку тончайшего вкуса, принадлежит довольно широко известный афоризм: «Плохой вкус куда хуже откровенной безвкусицы». Что под этим подразумевается? Безвкусица — растерянность из-за непрочности, зыбкости критериев отбора. Плохой же вкус — позиция, точка зрения, вполне осознанная ориентация на плохое, дурное, чаще всего низменное. Безвкусица оставляет надежду на выработку хорошего вкуса в будущем. Плохой вкус требует коренного изменения самой сущности личности.

Вкус и чувство меры, если уж присущи человеку, отражаются во всем: не только в одежде, не только в оценке произведений искусства, в отборе круга чтения, но и в поведении, взаимоотношениях с людьми, вообще в стиле жизни

человека. Вот, например, что писал известный русский юрист и общественный деятель А. Ф. Кони о Льве Толстом, с которым неоднократно встречался и регулярно переписывался: «Это прежде всего добрый человек, никому не навязывающий своих взглядов, радующийся, когда окружающим хорошо и весело... приветливый и простой, но не фамильярный с крестьянами... легко поддающийся смеху, вовсе не слащаво благодушный, а называющий зло — злом, а гадость — гадостью, человек, образованный разносторонне, простой в потребностях и аристократ во вкусах...»¹ (Выделено мною. — И. А.).

Не правда ли, этот портрет похож на великие произведения русского литературного гения? И как тесно переплетены в этом портрете душевные качества (добрый, радующийся, когда другим хорошо, твердость, убежденность: зло — зло, гадость — гадость), манеры (приветливый и простой, поддающийся смеху, т. е. естественный, лишенный чопорности), широта интересов; кругозор (разносторонне образованный) и в итоге: простота потребностей и аристократизм (т. е. утонченность, тщательная избирательность) во вкусах! Такой портрет не оставляет сомнений не только в том, что этого человека должно уважать, но и в том, что он уважает людей (не фамильярный с крестьянами).

Вполне понятна и простая, похожая на простонародную одежда графа Л. Н. Толстого в повседневной обстановке — она отвечает его образу мыслей и образу жизни. В более раннюю пору, в молодости, он был франтом, желанным гостем дворянских салонов. Иной образ жизни — иные формы внешнего убранства. И тогда он был Л. Н. Толстым, но еще не тем, каким стал впоследствии.

Конечно, это — гений, философ, писатель, учитель жизни. Но тем ярче пример! С кого же и «делать жизнь», как не с тех, кто поднялся к вершинам человеческой нравственности, идеалов духа?

Круг проблем культуры, в том числе и бытовой, только условно, для удобства рассуждений и разбора можно членить на отдельные вопросы — одежду, поведение, манеры, увлечения и т. п. На самом деле они едины, сплетены не-

---

¹ Кони А. Ф. Собр. соч. В 8-ми т. — М., 1968. — Т. 6. — С. 636.

расторжимо в нашей жизни, в жизни и судьбе каждого человека. Вот что писал, например, А. С. Макаренко: «Внешность имеет большое значение в жизни человека. Трудно представить себе человека грязного, неряшливого, чтобы он мог следить за своими поступками»¹.

В интересном и полезном сборнике «Советский этикет» авторы приводят слова Джона Локка, английского философа-материалиста, основоположника психологии, жившего в конце XVIII века: «В человеке плохо воспитанном отвага становится грубостью, ученость — педантизмом, остроумие — шутовством, простота — неотесанностью, добродушие — лестью». Комментируя это высказывание, авторы пишут: «Вежливость, например, имеет более или менее явные границы, за которыми начинается угодничество или назойливость. Изящество манер, если забыть о чувстве меры, легко может превратиться в манерность».

Выходит, дело не только в природной одаренности — отваге, остроумии, добродушии и т. п. Но еще и в воспитанности, т. е. в выработке определенного направления и форм использования тех качеств, которыми человека награждает природа. Для их развития и формирования пужна смелость самооценки, критической проверки своих чувств, мыслей, поступков. Это — начало самовоспитания. Без этого не возникнет хорошего вкуса, ибо вкус, взятый у кого-то «напрокат», так или иначе, сегодня или завтра, приводит к промаху, неловкости, неуместности или еще более серьезным неудачам. Ведь вкус всегда индивидуален, потому что, как мы уже говорили, в нем отражается сумма качеств личности. В каждом поступке, в каждой оценке, в решении самых простых, будничных и сложных, серьезных, общественно значимых задач человек думает, действует, поступает на основе своих личных убеждений, взглядов, принципов. И любая ситуация в известной мере может быть расценена с точки зрения плохого или хорошего вкуса. Неслучайно так часто мы говорим отнюдь не только о пейзаже, чашке, рисунке на ткани, но и о поступке, даже подвиге — красивый.

Нередко одежду выбирают, мягко говоря, неудачно, неответственно то возрасту, то месту, ситуации, то вообще (к счастью, это случается значительно реже) нашим пред-

---

¹ Макаренко А. С. Соч. — М., 1958. — Т. 5. — С. 455—456.

ставлениям о приличии, о достоинстве человека. Что же говорить о моде, которую иные «заглазывают», не разжевывая, едва увидев что-то новое или только услышав о нем. Банальностью, прописной истиной стало к месту и не к месту говорить об индивидуальном выборе одежды. Многие понимают это как соответствие цвету глаз и волос, пропорциям фигуры, в крайнем случае — возрасту. Но как ограниченно развивалась бы одежда, если бы дело состояло только в этом!

Блондинки, брюнетки, шатенки, полные и худые, высокие и малорослые, молодые, пожилые и старые были всегда. А костюм-то менялся, и еще как! Взгляды, вкусы менялись, главное — идеология как их основа, а вместе с нею и ценность тех или иных качеств души человеческой, вот в чем дело.

А блондинками и брюнетками люди научились становиться вне зависимости от природы очень давно: египтяне носили черные парики уже несколько тысячелетий назад, германцы осветляли волосы еще до новой эры, венецианки «золотили» волосы в соляриях своих домов еще в эпоху Возрождения, при Людовиках пудрили парики вместе с лицом, шеей и грудью, выбеливаясь, как мукомолы. Никто еще не помышлял о генной инженерии, способной получать заданный цвет волос и глаз, а уже белили или чернили зубы, обводили глаза зелеными, красными, черными полосами, красили ресницы, брови, бороды, усы, ладони, кончики пальцев, мочки ушей. Что говорить о румянце, кажется, это «искусственное здоровье» (или нездоровье — излишний румянец напоминает лихорадку) существовало всегда.

За такое длительное время люди уже могли бы четко все распределить, подробно описать, что носить брюнеткам-блондинкам, да и передавать из поколения в поколение «рецепты». Но нет, прямо чепухой представляется такое предложение. Разнообразие природной внешности людей, даже при его очевидной бескрайности, уступает разнообразию внутренней, духовной жизни индивидов.

Взаимоуважение и взаимонеуважение люди проявляют по-разному. Тут внешние формы — одежда, поведение, манеры, даже лексикон — играют не последнюю роль. Не только осуждающие слова, но и взгляды, порицания того или иного человека в частных разговорах, а тем более — пуб-

личные, имеют большое значение для каждого. Они и служат своеобразным «табу», заставляя задумываться, вникать в смысл своих действий, своего выбора, решения, они подталкивают человека к проверке правильности внешних форм его жизни, т. е. к процессу самовоспитания, постоянной внутренней самопроверке, работе души и воображения. Уважение людей (их к нам и нас к ним) — основа достойной жизни.

«В пир, в мир и в добрые люди»

Основой правильного определения места одежды в кругу других предметов, которыми пользуется человек, на которые тратит и силы, и время, и деньги (т. е. часть своего труда), является осознание ее прикладной роли, т. е. соответствия занятиям, времяпрепровождению, а не просто ношению на себе для привлечения всеобщего внимания и обозрения. Но так было не всегда.

На ранних стадиях феодализма, например, практически всю одежду можно было поделить на две большие группы: одежду праздных, свободных от работы людей (высших классов общества) и одежду «посконную», рабочую, примитивную, которую носят «низы», те, кто принужден постоянно, нескончаемо работать, обеспечивая праздную жизнь «верхов». Эта одежда «низов» не отличалась разнообразием, часто была почти одинаковой даже в разных странах (особенно у крестьян). У «верхов» же, наоборот, она становилась все более разнообразной, изощренно-бессмысленной и попросту подчас неудобной.

Такой пример являют нам так называемые «Бургундские моды». Придворный художник Пизанелло составил целый альбом самых изощренных костюмов. Тут и коротенькие мужские плащи, опушенные дорогим мехом, и женские причудливые наряды, обтягивающие фигуру, и многочисленные верхние одежды, покрывала, спадающие вдоль тонких «змеиных» тел крупными складками; вышивки, драгоценные украшения, бубенчики; остроконечная, как пики, обувь или шляпы, как «сахарная голова». Это — ярко, нарядно, весело и... бессмысленно. Мода родилась как забава, игра, ибо там, где она родилась, у нее не было другой цели,

как выделить своих создателей причудливостью форм одежды, капризной прихотливостью.

В ренессансной культуре ведущую роль играют не придворные, как в абсолютистских государствах, а зажиточные горожане, круг которых шире и разнообразнее по роду занятий. Стоит заметить, что в этот период развивается личная гигиена. В домах (впервые!) появляются необходимые удобства. За пышными нарядами и изощренной косметикой у людей вплоть до XVIII века скрывалось отсутствие элементарных (для нас) навыков санитарии и гигиены. В 1644 году была издана книга «Законы французской вежливости». В ней среди прочего дается совет каждый день мыть руки, «а лицо почти так же часто!» Всевозможные, нередко очень дорогие и изящные «блохоловки» (полые ажурные сосудики, смазанные внутри салом или медом) носили не только под юбками, но и на поясе как украшение.

Только в конце XVII века во Франции, впервые в истории, одежда стала строго (по указу короля) разделяться по сезонам, выделилась и военная униформа (также введенная указом). Параллельно с придворным, но все более расходясь с ним, развивается костюм богатой части горожан. Здесь гораздо раньше выделяется домашняя, более простая, даже дешевая одежда, в частности, связанная с ведением дел, т. е. деловая. В совершенствовании форм одежды этих слоев можно раньше увидеть зарождение практического, утилитарного подхода к костюму.

Однако народная одежда, костюм крестьян и работников, слуг, кухарок развивался иначе. Основу гардероба составляли простые, грубоватые вещи — рубахи, штаны, чулки (в Европе вплоть до XVIII века нередко сшитые из тканей), носки, опорки, башмаки, юбки, сарафаны, куртки, накидки, платки, шали, колпаки. У южных народов получила распространение шляпа с полями для защиты от солнца, у живших в странах с холодными зимами — разновидности теплой одежды. Как видим, все предметы здесь утилитарны. Это вовсе не значит, что они были лишены эстетических черт. Ткани окрашивались, иногда вышивались или апплицировались цветными кусочками. Отделкой служили и мех, и канты, и оборки, и вытканые цветные полосы или клетки, пуговицы и т. п. Но главное — четкое отделение повсед-

невной одежды, связанной с ежедневным трудом, от нарядной, праздничной.

Для богатеющего буржуа первой заботой было добыть себе «приличный» костюм, чтобы быть представительным. Ему костюм был нужен для доступа в определенные слои общества, чтобы его «не погна́ли в шею», когда он по делам предстанет перед дворянином. Для трудящихся низших слоев такой необходимости не было. Их мир был ограничен довольно однородной средой общения и характером занятий, работы. Но в этой однообразной, монотонной жизни были паузы — праздники. Хотя слово это однокоренное со словом «праздный», т. е. бездельный, праздник не был просто отдыхом от труда, временем безделья. Обрядовая сторона праздника делает его необычным в эмоциональном восприятии людей — это веселый день. И в этот необычный (не обыденный) день все должно быть необычно: времяпрепровождение, еда и, конечно, одежда.

К определенным праздникам приурочивались и важные события — помолвка, свадьба. В силу старинных поверий многие праздники сопровождались переодеваниями, плясками, песнями специального содержания. Вот для праздников и припасалась, готовилась заранее, а затем и передавалась по наследству специальная одежда. Это были предметы, особенно тщательно сделанные. Здесь эстетическая сторона выступала на первый план. И цвета, и ткани, и отделки подбирались и соединялись так, чтобы получить наибольший эффект нарядности, необычности, отличия от будничного «рубища». Неслучайно именно праздничный народный костюм подчас в эстетических своих особенностях значительно отличается не только у различных народов, но и в разных областях или районах одной страны. Тогда как повседневная одежда более всего различается приспособленностью к местным условиям климата, характеру, особенностям труда, преобладанием тех или иных материалов, наиболее доступных, имеющихся в распоряжении народов, живущих в определенных географических условиях. В праздничном костюме практическая сторона отступала, на передний план выходила выдумка, фантазия, эстетические идеалы.

Как видим, костюм правящих кругов и «низов» расходился принципиально: одни долго не знают иной одежды, кроме нарядной, другие, напротив, резко отделяют наряд-

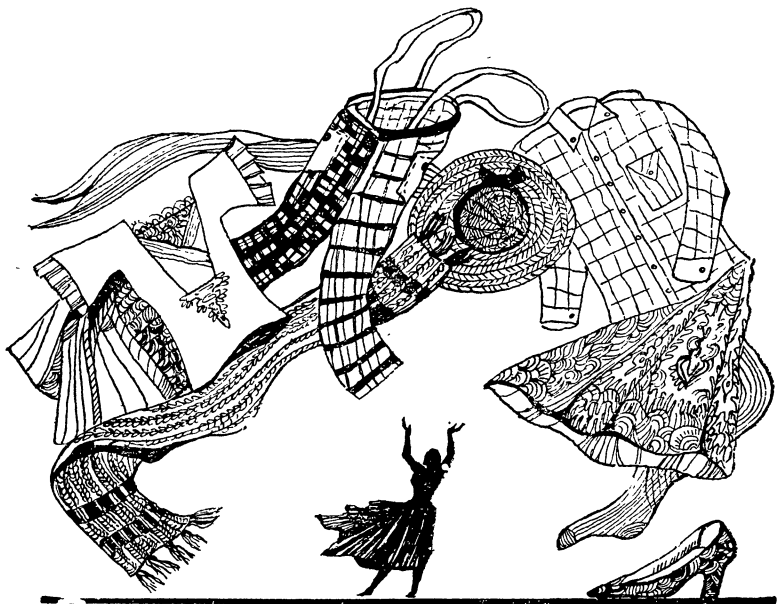
ную одежду, сохраняя ее лишь как элемент обряда. От крестьянского обычая делать нарядную одежду более красивой и мало или совсем неприменимой в повседневной обстановке в современной нарядной одежде сохранился и бытует обычай использовать особые по оформлению ткани — с блестящей нитью, с тканым рисунком, специальной отделкой и т. д. Из тех же истоков и обычай в праздник надевать дорогие или похожие на них украшения. Но по всему видно, что и это постепенно изживается. И в первую очередь в молодежной одежде нашего времени.

Современный костюм становится все более однородным, зато в нем постоянно обновляются формы, виды, типы, материалы, крой (конструкция). Костюм дифференцируется по возрастам, характеру занятий, образу жизни. Личный гардероб все точнее отражает личные склонности владельца, его увлечения. У городской и сельской молодежи выравнивается, становится одинаковым гардероб одежды для досуга, спорта, праздников, но пока еще есть существенные различия в одежде для трудовых будней. Но и это различие вряд ли долго сохранится.

Человечество прошло длинный путь, пока такая обычная вещь, как одежда, начала (пока только начала!) занимать свое настоящее место в ряду его ценностей. Место, которое определяется двуединством этого предмета — его прикладным назначением и его ролью в эстетическом оформлении человека самого себя в соответствии с его представлениями об идеале, моральном (этическом) и художественном (эстетическом). Поэтому сегодня разнообразие одежды в большей мере, чем прежде, определяется ее назначением по функции, которой она предназначена.

Художественные приемы подчиняются и традициям, в том числе национальным. Но во всех случаях красота одежды в наших представлениях связывается с ее назначением — для работы, для дома, для загорода, для праздника и разделяется по сезонам, ситуациям, возрастным группам, на разные случаи: «В пир, в мир и в добрые люди». Правда, уже сегодняшней практикой не исключено осмысление этой поговорки в ее изначальном народном смысле: в одной и той же вещи, с одинаковым удобством и удовольствием надеваться «в пиру, в миру и на добрых людях».

МНОГО ЛИ ЧЕЛОВЕКУ ОДЕЖДЫ НУЖНО?

Мы считаем скромность одним из уважаемых качеств человека. Это — моральная категория. Скромность требуется прежде всего в поступках, т. е. как качество души, не позволяющее делать себе уступок, попустительствовать своим капризам или неумеренным притязаниям. В конце-то концов, человек стоит ровно столько, сколько он может дать обществу. Но что же можно дать, ничего не имея? И что можно иметь, ничего не делая, не познавая, не накапливая знаний и умений, не проверяя на деле своих знаний, оценок, поступков, т. е. не накапливая опыта?

В наше время, в наших условиях люди дольше выглядят и чувствуют себя молодыми. Многие занимаются спортом, танцуют, ходят в походы, увлекаются — кто собирательством, кто радиотехникой, кто самодеятельным искусст-

вом. Но вместе с тем как-то удлинился у некоторых молодых и период оглядки, надежды на кого-то, кто вроде бы должен делить с тобой ответственность. Эти симптомы инфантилизма не могут не настораживать. Наиболее заметны они в сфере потребления. Нередко желание иметь вещи, предметы, которые у некоторой части молодых становятся обязательными атрибутами жизни, не согласуется с материальными возможностями, с обязанностью их заработать, а превращается в требование к родителям прежде всего, но и к обществу: дайте!

Дается нашей молодежи сейчас уже много, а будет дано еще больше — возможностей, привилегий, разных видов помощи, обеспечения, поощрений.

Наше общество смотрит вперед. Поэтому жизнь молодых обеспечивается всесторонне — учитесь, работайте, потом и развлекайтесь и отдыхайте. Но формируйте в себе полноценных, всесторонне развитых, высококультурных членов социалистического общества, а не просто потребителей вещей, даже самых современных. Ведь вещи — лишь удобная, достойная человека обстановка. Обстановка для главного — для труда, для творчества, постепенно освобождающая человека от мелких, но хлопотных забот.

Иметь или не иметь?

Современный гардероб одежды подбирается преимущественно по определяющей жизни человека, его занятия и увлечения необходимости. Так как образ жизни молодых отличается от жизни взрослых, тем более пожилых людей, то и гардероб молодежной одежды иной.

Что здесь главное? У молодых больше досуга, да и формы его проведения более активные, чем у старших. Кроме того, как правило, они еще учатся или только начали работать и поэтому не занимают должностей, связанных с официальным общением, как у лиц, облеченных определенными полномочиями. Здесь исключением могут быть лишь депутаты советов или комсомольские работники.

Таким образом, гардероб складывается из одежды для занятий (у школьников это — форма), для выхода на улицу, для спорта, походов, для танцев и всевозможных развле-

кательных вечеров или встреч со сверстниками в домашней обстановке. Значит, нужна верхняя одежда (теплые куртки или пальто, полупальто), спортивная одежда, но не специальная, а так называемая тренировочная. И конечно, нужна обычная одежда — блузки, рубашки, юбки, брюки, джемперы и свитеры, майки, платья, пиджаки или жакеты (для девушек). Особое положение в молодежном гардеробе занимает нарядная одежда. Тут затруднения вызывает тот факт, что даже молодым не так уж часто бывает необходимо одеваться нарядно. Подростки к тому же растут, и вещи делаются коротки и узки.

И еще одна особенность. Молодые общаются, как правило, в одной и той же более или менее устойчивой компании, встречаются с кем-то из девочек или мальчиков «по влечению сердца», а это побуждает уделять своей внешности особое внимание. И каждый раз хочется надеть что-нибудь новое, чего на тебе еще не видели. Спать нарядное платье — оно заметное, поэтому сразу запоминается. Надел два-три раза — и уже хочется что-то изменить. Как же быть?

Ответ неоднозначен. Вспомним вначале, что ни один предмет одежды мы не носим без дополнений (аксессуаров). Туфли, чулки, шарфы и пояса, бижутерия до какой-то степени меняют наше восприятие костюма, платья, как бы рассредоточивают внимание. Варьирование дополнений — один из способов обновления ансамбля (ансамбль — французское слово, буквально: «вместе»). Применительно к одежде это означает единую композицию, в которой собственно одежда связана каким-то замыслом (цветовым решением, назначением, фактурными контрастами или единством и т. п.) со всеми сопутствующими предметами — дополнениями.

Не только аксессуары могут помочь в разнообразии ансамбля, но и отход от традиционных «однозначных» видов одежды, в частности платья. Свободное комплектование «неполных», «половинчатых» предметов — юбок, блузок, жакетов, жилетов и т. п. — выручает еще надежнее. Кстати, подходящий жилет или жакет можно надеть и на платье. Но удобнее всего гардероб собирать из таких вот комплектующих предметов. Варьируя их, можно постоянно обновлять одежду, а вместе с нею и весь ансамбль. Важно в этом случае не хаотично покупать, «хватать, что дают», а продумывать варианты, что с чем может сочетаться, что обогатит

гардероб не только эстетически, но и утилитарно, по назначению, т. е. сделает его более широко применимым в разных ситуациях при, в общем, небольшом количестве вещей.

Этот принцип подбора вещей не только способствует разнообразию ансамблей, он еще и экономичен. Например, физический рост не так сильно влияет на сочетания отдельных предметов, как это бывает с платьями или пальто — там талия и расположение карманов предопределяют строгое соответствие росту. Значит, куртка, кофточка с юбкой или брюками послужат дольше. Кроме того, замена изношенных вещей происходит как бы по частям — то заменяется верхняя часть, то нижняя. Это определенно выгоднее. И наконец, отдельные предметы, собираемые каждый раз поновому, в соответствии с условиями, ситуацией, позволяют, не расширяя гардероб, быть одетым уместно и удобно. Кстати, это — старый, даже древний принцип народной одежды, в отличие от дворянской.

У нас нынешним молодым от традиции смены одежд осталось лишь самое рациональное — одеваться удобно, к случаю, по себе и своим делам. Но в капиталистических странах молодежь и сейчас должна преодолевать живую традицию высших слоев общества, все еще придающих одежде, как и другим предметам быта, значение символов богатства, власти, делового успеха или знатного происхождения. «В США, например, один процент самых состоятельных семей владеет богатствами, почти в полтора раза превышающими совокупное богатство 80 процентов семей, находящихся в нижней части имущественной пирамиды», — сказал М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду.

Поэтому и появилась на Западе молодежная «антимода». Конечно, она тоже «мода», но противоположная традиционным представлениям о моде, как богатстве, как самом новом в одежде. Напротив, «антимода» отдает предпочтение поношенной, бывшей в долгом употреблении одежде или нарочно предварительно обработанной на предприятиях, «простиранной» в специальных растворах, барабанах с песком и щебнем, изъеденной хлором и т. д. Эта демонстрация не имеет серьезного влияния на политику, у самих «демонстраторов» нет ни четких программ, ни ясных убеждений. Но все же это протест против сытости, довольства

эксплуататорских классов, во всяком случае, против присвоенного ими права «играть в моду», тратя на это огромные деньги.

Как всегда, мода противоречива, и к ней немедленно присоединяются и лицемеры, и ханжи, и просто спекулятивно настроенные лица. Поэтому ни одно модное явление нельзя рассматривать прямолинейно, в лоб, однозначно. Очень важна и личность человека, следующего моде, и общественная обстановка, окружение (от микро- до макро-структуры), и место, и время, и события, сопутствующие этому явлению, и, наконец, традиции, как старые, неизжитые, так и новые, складывающиеся. Одна и та же мода может, при учете всех этих обстоятельств, быть отражением разных, возможно и противоположных, значений.

Вопрос «иметь или не иметь?» в контексте нашей жизни получает иную форму, ибо нет у нас условий, вынуждающих к крайностям. Нужно иметь одежду, но иметь ее ровно столько и такого качества, чтобы не испытывать ни физического, ни морального дискомфорта. Не человек для вещей, а вещи для человека, ибо он сам их создает, чтобы улучшать, облегчать, а не затруднять свою жизнь, даже и вопросами, сомнениями, тем более унынием по поводу их наличия (есть, но не нравится) или отсутствия (очень хочется иметь).

Чтобы иметь, надо уметь

Нередкая картина: перед шкафом с вещами стоит растерянная, недовольная девушка и едва ли не со слезами шепчет, а то и с упреком кричит родителям: «Опять нечего надеть!» То же, по существу, происходит порой и в магазинах: полки и кронштейны ломаются от товаров, а покупатель говорит, что «ничего нет».

Оставим проблему качества и постоянного обновления ассортимента продукции. Для ее решения сейчас делается многое. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии сказано: «Приоритетное развитие получат легкая и другие отрасли промышленности, работающие непосредственно на удовлетворение потребностей населения».

Но и в условиях неполностью удовлетворенного спроса

все-таки одни люди одеты хорошо, красиво, уместно, даже своеобразно, а другие как-то нелепо, нескладно, кажется, и неудобно. Не о «пронырах», «ловкачах», «занятых бездельниками» речь. Об обычных — честно работающих и честно живущих, которых большинство.

Как мы уже говорили, вкус человека определяется широтой его взглядов, которые, в свою очередь, формируются в результате упорной и постоянной работы над собой. Неверно думать, что можно одеться по моде и выдать себя за более достойного человека, чем ты есть на самом деле. Быть и казаться — противоположные качества натуры. Напрасно тратят время знатоки имен киноактеров, эстрадных певцов и ансамблей, торопливые «всезнайки» повинок литературы, музыки, последних выставок. Жонглирование именами и названиями ни у кого не вызовет представления о подлинной эрудиции. Нужна мысль, нужно суждение о творчестве, о художественных особенностях произведения, стиля, манеры, а не просто перечень имен или пересказ скандальных эпизодов биографии «звезд», наших или западных.

Здесь приходят на ум суждения В. Г. Белинского, который писал, что без эстетической воспитанности, без чувства изящного нет ума, остается один пошлый «здравый смысл», необходимый для домашнего обихода, для мелких расчетов эгоизма. Кто откликается на одну плясовую музыку, откликается не сердцем, а ногами, чью грудь не томит, не волнуется музыка; кто видит в картине одну галантерейную вещь, годную для украшения комнаты, и дивится в ней отделкой; кто не любит стихов смолоду, кто видит в драме только театральную пьесу, а в романе сказку, годную для занятия от скуки, — тот не человек... Эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности¹.

Нередко на радио, в редакции газет приходят письма с просьбами «научить слушать классическую музыку». Бывает, что в ответ крупный искусствовед начинает объяснять что-то, иллюстрируя рассказ музыкальными отрывками. Это хорошо, значит, кто-то чувствует неполноценность своего восприятия жизни, своего воспитания, понимает, что упустил такую значительную область искусства, как музыка. Но за-

---

¹ См.: Белинский В. Г. Собр соч. В 9-ти т. — М., 1978. — Т. 3. — С. 38—78.

метим: не присылают писем о том, что не умеют слушать певца В. Леонтьева или ансамбль «Машина времени». Видимо, в этом разбираются все (кроме тех, кто пишет, что это надо запретить, так как они «терпеть этого не могут»). В чем же дело? Не в том ли, что легче всего на музыку «откликнуться не сердцем, а ногами»? Или вот в последние годы огромные очереди выстраиваются на выставку художника А. Шилова. И кого из побывавших ни спросишь, что его привело именно на эту выставку, любой немедленно отвечает совершенно так, как писал В. Г. Белинский: «Галантерейные вещи», «Какая отделка!» А главное? Восприятие и музыки, и живописи, и литературы, любых областей культуры требует работы и ума, и сердца.

Мода на танцы хороша сама по себе, но ведь танцевальная музыка написана для танцев, а не для замены всей многообразной музыкальной культуры. Кстати сказать, одно другому и не противостоит, да и не борется друг с другом. Вся музыка вообще родилась из народных танцев и их песенного сопровождения. Но и одежда родилась из шкур и листьев. А сегодня мы носим не только меховые пальто и дубленки.

Чтобы разобраться во всем этом, чтобы обогатить себя, свой вкус, уточнить свои оценки, чтобы полнее ощущать красоту жизни, нужно многое знать и многому научиться. Без этого не выручит ни мода, ни подражание, ни постоянное присутствие на всех заметных событиях культурной жизни — вернисажах, концертах, театральных премьерах.

Сегодняшняя мода охватывает десятки, сотни тысяч, а подчас и миллионы людей. Для «щеголих» XVIII века модный круг очерчивал лишь сотню-другую людей. Среди поклонников, последователей моды сегодня есть и настоящие знатоки, люди, достаточно хорошо разбирающиеся в предмете, сознательно и искренне стремящиеся к расширению своих знаний, овладевающие умением и выбрать подлинно цепное, и отбросить случайное, несущественное, поддельное. Эти люди свободны от диктата, от рабского, слепого подражания, от неискренности, на дне которой всегда лежит скука. И конечно, эти люди не стремятся только подражать, даже если начинают с подражания. Активное восприятие пробуждает и творческие начала. Повсюду возможно не просто созерца-

ние или обезьянничанье, по и самостоятельное, даже творческое участие.

Вот, например, танцы: одни сменяют другие. У каждого поколения в период его «танцевальной лихорадки» бывает свой особенный танец. И всегда предыдущее поколение склонно его считать ужасным или, хуже того, безнравственным. Но ведь дело-то, конечно, не в самих танцах, а в их исполнителях. Можно и мазурку, и вальс танцевать целовко, нескладно, вульгарно. А можно и рок, и брейк — артистично, азартно, весело, а может быть, даже элегантно. Можно увлечься В. Высоцким и слушать его, и запоминать его песни, и попробовать самому что-то сочинить. А можно (т. е. не надо, нельзя!) хрипло сипеть, неумело подыгрывая на гитаре, уродуя его песни — серьезные и совершенные по полной согласованности музыки, текста, аккомпанемента и исполнения. И все это — мода.

Можно удачно, смешно, остроумно вставить в свою речь модное словечко, а можно (опять же — нельзя!) весь лексикон «великого, могучего» русского языка заменить этими словечками и стать даже не иностранцем в собственном отечестве, а просто коспозычным или вообще таким своеобразным немцем, которого понять нельзя, а вслушиваться скучно.

В общем, в каждой моде есть возможность активного участия, познания и пробы сил, но это удастся лишь тем, кто имеет какой-то багаж знаний, чьи интересы в любой моде устремлены вглубь и вширь, а не к слиянию с толпой, растворению в ней и упоению лишь фактом этой слитности.

Что же касается одежды, причесок, грима, манеры поведения, то здесь надо уметь применить моду к себе, т. е. прежде всего примерить ее не только к внешности, но и к условиям, окружению.

Уметь ориентироваться в моде — значит подчинить ее себе. Тогда вдруг окажется, что и в собственном шкафу есть возможность отыскать новый, интересный вариант, а уж в магазине тем более.

На что же ориентироваться, когда нужно купить что-нибудь новое или вот сейчас, сегодня, завтра куда-то пойти, подобрав соответствующую одежду? Можно предложить простую систему вопросов самому себе:

1. Нравится или не нравится (идет — не идет)?
2. Сколько стоит (если вещь нужно купить)?

3. С чем я смогу это носить (с обувью, юбкой, блузкой, брюками и т. п.)?

4. Где и когда (утром, вечером, летом, зимой и т. п.) это удобно надевать?

5. Соответствует ли этот предмет тому, что носят мои знакомые, друзья, как они отнесутся ко мне в этой одежде?

Такой маленький экзамен может и предостеречь от необдуманной покупки и подтолкнуть к разумному решению.

Немаловажно подумать и о том, что можно добавить (убавить), чтобы обновить уже несколько надоевшую вещь: как-то иначе сочетать ее с дополнениями; широкое, скажем, затянуть в талии; воротник поднять; попробовать так или иначе завязать шарф или платок; засучить рукава и т. п. Самое же надежное — уметь хоть немного шить или вязать. Тогда можно многое видоизменить, потратив лишь несколько часов и немного денег на кусочек ткани или пряжу, а может быть, использовав то, что есть дома, включая какие-нибудь новые пуговицы или молнии. Для этого и нужны журналы мод, с помощью которых всегда полезно не просто новые фасоны отыскивать, а продумывать свою одежду с точки зрения возможностей ее варьирования новыми способами, манерой ношения и мелкими, но важными деталями.

Как мало наша молодежь носит белых и цветных воротничков, как однообразно повязывает шарфы и платки, мало выдумки в ношении поясов, в сочетаниях юбок или брюк с жилетами, блузками, рубашками. Как мало девушек догадались использовать мужские одиночные пиджаки и сорочки маленьких размеров, которые в избытке есть во всех магазинах. До обидного редко используются сочетания деталей, выкроенных из старых свитеров или джемперов, позволяющие сделать из старой модную новую вещь, объемную и декоративную.

Большие возможности таит и манера надевать одну вещь на другую, не обязательно в той последовательности, которая была принята раньше. Хлопчатобумажный или трикотажный жилет можно надеть под рубашку из фланели, узкие тренировочные брюки длиной чуть ниже икр — под прямое платье или просторную длинную рубашку, высокие носки не прятать в короткие широкие сапоги, а натянуть их на брюки, летнюю шляпу (на пляже) повязать ярким тонким платком — здесь вообще нет конца вариантам. Но как

до них додуматься? Нужны фантазия, воображение, смелость и, конечно, знания законов красоты.

Есть такая шутка: «Информация — мать интуиции». В ней — большой смысл. «Озарение» приходит к тому, кто много знает, много видит, умеет наблюдать. На этом, например, именно на наблюдательности в основном, возникают идеи модельеров. Они жадно впитывают все впечатления, начиная с одежды прохожих, образов живописи, литературы, музыки, кончая пейзажами. Они ежегодно работают на природе — в горах, на лесных полянах, возле рек, озер, на берегах морей. Рисуют и город, его магистрали, дома, перспективу улицы и узкий переулочек. И все это будоражит воображение, помогает отыскать новые пропорции, формы, очертания, цветовые композиции. Эта постоянная работа оттачивает, формирует, углубляет и расширяет их вкус.

Говорят — о вкусах не спорят. Плохо, когда этой поговоркой защищают свою вкусовую беспомощность. На самом деле — это лишь одна из форм вежливости, оберегающая того, кто не умеет, промахнулся, не смог. «Но о чем же еще тогда спорить? Лучше — о вкусах», — считает советский писатель А. Битов. «О вкусах можно спорить, но только о плохом вкусе спора быть не может», — утверждала французский модельер Г. Шанель. Вкус — сумма взглядов, знаний, позиция человека. Как же ее не обсуждать, как не спорить, отстаивая свою или опровергая чужую позицию, взгляд, оценку?

Что, где, когда?

Вероятно, все люди, хоть один-два раза, сталкивались с такой неприятной ситуацией, когда на улице, в транспорте или где-то еще взрослый, а чаще пожилой человек отчитывал юношей или девушек за их внешний вид, вызывая к окружающим. Молодые люди, чаще всего подростки, не раз попадали в такое положение, когда им выговаривали за прическу, стрижку, грим или одежду родители, учителя, воспитатели. Это очень обидно, нередко унижительно и долго помнится. Еще больнее насмешки сверстников, их бестактно-грубоватые обсуждения внешности своих товарищей.

Внешность человека важна и для него самого, и не ме-

нее, если не более, важна ее оценка окружающими. С одной стороны — это личное дело, как одет, причесан, убран человек, даже если он еще считается ребенком. С другой стороны, каждый из нас так или иначе сам реагирует на внешность других людей. И мотивы, причины нашей оценки (мнения) очень разнообразны: мы и сравниваем себя с окружающими, и узнаем что-то новое, и стремимся распознать человека, если приходится с ним общаться. Взаимные оценки необходимы, без них люди не могли бы вступать в контакт друг с другом, находить себе друзей, соратников, единомышленников и остерегаться недоброжелательно или враждебно настроенных. Конечно, только внешний вид не дает исчерпывающей информации, но, соединяясь со словами, жестами, высказанными мыслями, взглядами, уже более или менее ориентирует нас даже при первом знакомстве.

Ну а, честно говоря, что же нас более всего устраивает во внешности, одежде других людей, когда мы разглядываем их, не будучи близко знакомы? Сознаемся, что нас радует совпадение с нашими собственными представлениями, вкусами или то, чего мы не знали, но что нам очень нравится применительно к самим себе. Так бывает чаще всего. Есть, конечно, и другие варианты. Вот пример. По улице города идет человек в шортах (коротеньких брючках) и яркой, цветастой рубашке. Многие недоуменно, а то и возмущенно оглядываются. Но стоит узнать, что это — иностранец, и недоумение сходит с лиц. Или встречается группа смуглых женщин в пышных ярких — малиновых, зеленых, золотистых — юбках и платках. Странно? Да ведь это — цыгане. Тогда все понятно. Можно спокойно любоваться их живостью, красочностью, даже шумливостью.

Значит, важны не только формы, цвета одежды, даже поведение. Важно, кто, где и когда носит те или иные вещи, прически, как себя ведет в соответствии (или не в соответствии) с нашими взглядами на приличие, на красивое и некрасивое, уместное и неуместное и т. д.

Внешний облик людей только на первый взгляд кажется сугубо личным делом. А стоит выйти из дому, как оказывается, что многое в нем связано с окружением, с какими-то обстоятельствами. Хочется надеть новое платье, но у него слишком открытое «декольте», а сегодня экзамен, зачет, собрание, где надо быть более официально одетым. Вот но-

вые туфли на тонких высоких каблучках — очень хороши для танцевального вечера. Но юноша, который нравится и пригласил на этот вечер, — не очень высок, пожалуй, ему будет неприятно, если из-за каблучков девушка станет выше ростом. Нужно навестить бабушку в больнице, а вся одежда — очень яркая, прическа — буйная, грим — слишком обильный. Не будет ли это вызывающим контрастом (т. е. бестактностью) по отношению к больным, старым людям?

Таких примеров можно привести множество. Может быть, выписать их в столбик и к каждой строчке подбирать одежду? Нет, конечно. Просто в наборе одежды, в личном гардеробе должны быть такие вещи, которые будут уместны в разнообразных ситуациях. Это значит, что прежде всего нужны вещи повседневные, наиболее часто употребляемые. Например, сначала нужно обзавестись юбкой, а потом уж брюками; сначала джемпер — потом кофточка с воланами или блестящей нитью; сначала пиджак или скромная куртка — а потом уж модный жилет; сначала обычная сорочка — потом разнообразные майки; сначала кожаные туфли или полуботинки — а уж к ним в добавление — кроссовки. Такой порядок обеспечит возможность в любой ситуации и при самом минимальном гардеробе быть одетым уместно, не смущать окружающих и самому не испытывать неловкости. Имеет смысл серьезно поразмыслить и над покупкой нарядных вещей или предметов для специального случая, скажем, таких, как купальники (если вы не ходите круглый год в бассейн), открытые сарафаны, пляжные туфли, нарядные пеньюары. Даже если представился редкий случай купить, даже если вещь очень нравится. Надо подумать, что уже есть, сколько времени эту вещь можно носить, а сколько она будет лежать или висеть без применения, сколько она стоит.

Современная модная одежда отличается тем, что в ней получили распространение универсальные предметы, т. е. используемые не в одном определенном случае, а во многих. Это и теплые куртки (в городе и на прогулках, на отдыхе), и свитеры, джемперы, трикотажные жакеты, и спортивного стиля рубашки, которые носят без галстука и, кроме того, могут носить не только юноши, но и девушки. Брюки стали обычной (а не только для дома и свободного вре-

мени) одеждой девушек в любой сезон. Сапожки уже не снимают в помещениях, если они входят в ансамбль как его неотъемлемая часть. Нередко плащ и демисезонное, а то и зимнее (не в районах Севера, конечно) пальто — один предмет, который можно трансформировать: утеплить или облегчить, сняв теплую подкладку, воротник, капюшон.

Что же касается специально нарядной одежды, то уже давно подмечено: в наших условиях лучше не шить и не покупать особо нарядные платья или костюмы. Их не удастся износить, так как они вскоре (носят их не часто, а висят они долго) выйдут из моды и станут ненужными, неинтересными. Практичнее, следя за модой, иметь одно совсем новое, сначала надеваемое лишь к случаю платье (может быть, и кофточку, юбку, комплект), которое затем можно носить как повседневное, когда его модная острота уже не будет так заметна. Ну и, конечно, аксессуары помогут сделать ансамбль нарядным — цветные и с рисунком тонкие чулки, легкая обувь или изящные сапожки, клипсы, бусы, нарядный пояс, небольшая сумка.

Странно, но даже среди молодых еще бытует представление о том, что туфли, вообще обувь, перчатки, пояс, а то еще и шляпа, и платок, и шарф должны быть одного цвета. Это устаревший взгляд. Во-первых, вполне достаточно пары: туфли—сумка, перчатки—шарф, шапка (шляпа) — платок. Во-вторых, есть нейтральные цвета: черный, темно-серый, темно-коричневый, летом — мягкие оттенки белого, светлый серый, сероватый беж. К ним даже пары не обязательны. В-третьих, любой из аксессуаров может быть акцентом цветовой композиции. Например, только красные туфли, или сумка, или шляпа, или платок, шарф. Конечно, нехорошо, когда перчатки темные, сапоги розовые, шляпа сиреневая, пальто коричневое и т. д. Но здесь нет рецепта. Вот, например, в ансамбле спортивного стиля (не для спорта, а лишь в стиле) вязаная шапка может быть розовой, вязаные перчатки белыми, джинсы синими, куртка серой, а короткие сапожки на низких каблуках черными. Для молодых до 20—25 лет такой «разноцветный» ансамбль вполне подходящ. Хуже, если шапка, перчатки и сапоги будут черными. Само по себе сочетание черного с серым — плохо, но не очень «молодое», да и синий цвет брюк тут окажется «чужим». Для умения сочетать цвета нужно развивать способность их

«чувствовать». Даже модельеры не любят давать советы на основании словесных описаний: важны оттенки, связь цвета с формой предметов, с их объемом, само «количество» цветowych пятен и т. п.

Спортивный и спортивно-деловой стили наиболее соответствуют и вкусам и образу жизни молодежи. Но есть и девушки, и юноши, которые торопятся приобрести «солидность», взрослость и поэтому выбирают дорогие вещи — костюмы, пальто, платья, обувь. Что об этом сказать? Если это только плохой вкус, непонимание современного стиля, т. е. соответствия вещей многим условиям их применения — от возраста владельца до взглядов и оценок общества, — то можно лишь пожалеть. Но если это — позиция (а вкус почти всегда, за редчайшим исключением «вкусовой глухоты», — позиция, сумма взглядов человека), то с ней нужно бороться. Не публичными оскорблениями и поношениями, но дружеской беседой (без свидетелей) о связи между потребляемыми вещами и моральным правом выбирать, требовать, пользоваться вещами высокой стоимости.

Конечно, между ценами и доходами молодых часто нет соответствия. 24-летний нефтяник Тюмени или 20-летняя доярка в передовом совхозе имеют сегодня возможность купить, не влезая в длительные долги, и джинсы за 100 рублей, и куртку за 140—160, и сапожки за 90—120 рублей. А студенты ВУЗа или учащиеся техникума, ПТУ, тем более школы без помощи родителей едва ли могут замахнуться на что-то дороже майки, гольфов, босоножек или кроссовок. Поэтому наша мода стремится утвердить наиболее универсальные виды одежды и типы ансамблей для молодежи. Комплектность, спортивность, исключение из гардероба специально нарядной одежды, комбинированные варианты решения «фасонов», такие, как трикотаж с тканью или вообще два-три разных материала в одной композиции, цветовая декоративность, мажорность, делающие разнообразными, в общем-то, однотипные изделия — вот ее главное направление.

Но в молодежной моде ценится больше всего выдумка, фантазия, умение применять вещи по-своему. Не ради фокуса, конечно, а для разнообразия, для смены настроения. На большие деньги, понятно, легче одеваться. Но разнообразно, красиво, оригинально, т. е. по-своему, — это уже сомнительно: ни вкус, ни стиль за деньги не купишь. Одеж-

да неразрывно связана с личностью человека, но эту связь может осуществить лишь сам человек.

Некоторые пожилые люди сетуют, что молодежь редко приходит в театр или на концерт в джинсах, свитерах, иногда майках. Ну а если посмотреть на это не со старых позиций «щеголих XVIII века», уезжавших из театра, если замечали, что одеты «не по моде», а с современных, наших, когда в театр идут не «себя показать», а действительно посмотреть спектакль? Ведь и сегодня есть случаи, когда девушка, а то и юноша отказывается пойти на вечер сверстников, на чей-то день рождения, в театр, на концерт потому, что «нечего надеть», да еще укоряет в этом своих родителей.

Что же лучше? Кстати, вспомним, что «галерка», любимая часть публики всех великих русских (и не только русских) актеров, всегда была одета в повседневные тужурки студентов, косоворотки рабочих, шали и чепчики горничных, служанок, белошвеек. Что же у нас вдруг развился такой снобизм? Ведь это наше завоевание, что и в партере сегодня могут наслаждаться искусством люди, тратящие деньги на билет, а не на лишнюю кофточку или пару брюк. Этот зритель дороже актерам, чем те дамы, которые в театр идут, чтобы «прогулять» свои брильянты и норковые жакеты, а во время представления сидят со скучными лицами, ожидая антракта, чтобы выйти на всеобщее обозрение.

Бесспорно, и здесь пужпа определенная мера свободы и непринужденности. Нужно быть аккуратным, причесанным, нужно следить за обувью и ногтями на руках — ведь это не требует материальных затрат. Но еще более важно уметь вести себя, в частности, в театре, на концерте, в кино. Смеяться по ходу представления, аплодировать, скромно сидеть, не мешая другим, не пасируя их невоздержанностью своих эмоций, жестов, изъяснением чувств или настроения. Как-то уж очень бросается в глаза грубость и невоспитанность людей хорошо, а особенно — красиво и модно одетых. Резкий смех, невежливость, непредупредительность, несдержанные жесты и некрасивые слова диссонируют с нашим представлением о гармонии внешней красоты человека и его общей культуры.

Кто же, если не я?

В редакции молодежных газет и радиопрограмм приходят тысячи писем от школьников, учащихся ПТУ, студентов, молодых инженеров, рабочих, представителей самых широких кругов молодежи со всех концов страны.

Разбирая почту, можно заметить, что содержание вопросов зависит от возраста авторов. 14—16-летние много вопросов задают в связи со школой — о школьной дружбе, о коллективе и компании, о честности и верности слову, чувству товарищества, о конфликтах на этой почве.

15—17-летние больше всего спрашивают о профессии, о значении работы в судьбе людей, о способах и методах наиболее точной ориентации в выборе специальности и, конечно, о любви, о взаимоотношениях людей на пороге взрослой жизни, об ответственности друг перед другом в таких жизненно необходимых людям отношениях, как дружба и любовь.

Молодежь 18—20 лет и старше задает уже иные вопросы. Здесь проблемы молодой семьи, досуга, круга чтения и вообще увлечений, все чаще вопросы, связанные с трудовой активностью, с конфликтами в процессе работы, с оценкой труда и другими сторонами социальной справедливости. Постепенно вопросы из молодежных превращаются во взрослые, общечеловеческие и общегосударственные.

Однако есть один вопрос, который содержится в письмах самых разных по возрасту авторов — от школьников 5—6-х классов до людей очень пожилых, — это вопрос о моде в молодежной среде. Молодые (включая подростков) требуют модные предметы — одежду, пластинки, радиоаппаратуру и т. п., а многие пожилые сокрушаются о прическах, негодуют по поводу музыки и танцев, которыми увлекаются юные.

Но среди главных, общих вопросов у молодых, особенно подростков, есть и вопросы, относящиеся к интимной стороне жизни, — о своей внешности, о том, как улучшить ее, стать (или выглядеть) красивее, чем это дано от природы. Значение внешней «красивости» нередко переоценивается, с красивым лицом и фигурой связывается счастье жизни, успехи, вообще жизненная удачливость. В письмах подчас встречаются такие критические автопортреты, что хочется в

личной беседе с автором сказать: нельзя себя оценивать так безнадежно, ведь нет людей, у которых что-нибудь да не было бы замечательным, как и нет человека без недостатков.

Тело человека, его лицо, измеренные сантиметром, еще далеко не все говорят нам о его красоте. Разве можно забывать, что любой человек — живой организм, а не статичный предмет — лампа, кресло, даже скульптура Венеры? Движения, жесты, мимика, взгляд, голос значат больше, чем правильность черт, хороший рост, стройность стана. Как неприятен нам диссонанс между модной одеждой и грубым поведением, так отталкивает и вульгарная жестикуляция, развязный тон, утрированная мимика самых красивых по чертам лица и пропорциям фигуры девушек и юношей. Осанка, походка, интонации речи, позы — все привлекает или отталкивает в зависимости от того, красивы они или нет.

Недавно в аптеке, в небольшой очереди к окошку починки очков стояла девушка лет 15—16, обращавшая на себя внимание всех, кто там находился. И узкие, короткие, пятнисто-вытравленные брючки, и мятая куртка из разноцветных кусков, и лоскутная сумка, а более всего — клочками окрашенные, дыбом стоявшие волосы и одна большущая серьга вызвали недоумение на лицах пожилых людей и полуулыбки у молодых взрослых. Девушка стояла спокойно, не обращая внимания на тот эффект, который производила. Но вот наступила ее очередь: она наклонилась к окошку, обращаясь к приемщице (надо сказать, довольно нервной особе, уже несколько раз раздраженно повышавшей голос на «бестолковых» заказчиков). «Здравствуйте, будьте добры», — прозвучал нежный мягкий голос, напоминающий, как сказал бы поэт, шелест трав, летний ветер, аромат розы. Как они разговаривали — девушка и приемщица! Можно было бы записать этот диалог на магнитофон для уроков этики в средней школе. Очередь восхищенно, хотя и недоуменно переглянулась. Сложившееся было мнение треснуло, раскололось. Можно уверенно сказать, что в этот день те, кто был возле окошка, задавали себе вопрос о молодежных модных «заскоках» и справедливости суждения по ним о молодежи вообще. Но этот случай наводит и на мысль о том, что чаще, к сожалению, «смелчаки», позволяющие себе эксперименты во внешнем убранстве, видимо испытывая

внутренний страх перед возможным осуждением окружающих, заранее приготавливаются к защитной агрессии. И подтверждают худшие мнения, возможно, ошибочные, как показал пример с девушкой в аптеке. Голос, интонация — сильное, но конечно, не единственное средство утверждения красоты человека.

Достойная осанка, собранная, легкая походка, сдержанная жестикуляция, вырабатываемые гимнастикой, спортом вообще и танцами в частности, делают красивыми и излишне худых, и слишком полных, и очень высоких, и не вышедших ростом. И это — не от бога, а вырабатывается самим человеком, конечно, если не надеяться на то, что специалист по моде пришлет письмо с рецептами, какого цвета носить чулки, где делать и где не делать сборки, какой длины должна быть юбка, какого силуэта выбрать пальто и т. п. Ведь не это главное!

Что и говорить, легче прийти в булочную и купить вкусный, свежий батон, чем выращивать хлеб, молоть муку, печь хлеб. Но, к сожалению, каждый из нас — сам себе и хлебороб, и пекарь. Нам даны лишь материалы, а что мы посеем в себе, как замесим тесто, какой получится хлеб, зависит от нас, все лишь в наших руках. Самая лучшая продукция предприятий легкой промышленности не сделает красивыми недостойных, пустых, злых и грубых.

Мольер говорил: «И модная вещь может быть безвкусна». И это относится не столько к отдельному платью, блузке, туфлям, сколько к этим же платьям, блузкам, туфлям, надетым конкретными людьми.

Что ж, значит, мода и не нужна? Как замена красоты — нет. Как ее выражение — да!

Сегодня люди, народы творят свою моду. Они принимают или не принимают то, что предлагают художники, в том числе и в кинематографе, с экранов телевизоров, на модных шоу и на страницах журналов. Каждый человек сам решает, что и как ему носить, какие песни петь, пластинки каких ансамблей покупать. Но если бы люди в этом ничего другого, кроме простой потребности, не выражали, то и моды бы никакой сегодня не было. Однако она есть и в нынешнем мире с каждым днем все определеннее складывается в единую международную направленность предпочтений тех или иных предметов, танцев, форм развлечений, спортивных

игр. То «мини», то джинсы, то «фольклор», то повязки на лбу, то кроссовки, то майки, то «Битлз», то «Абба», аэробика, то скейт-борд, брейк-данс, теперь — роликовая дискотека... И это нравится почти всем молодым и даже некоторым взрослым.

Чем быстрее мода охватывает всех, тем больше вопросов по поводу иностранной экспансии. Нередки разговоры о том, что наша мода «плетется в хвосте у Запада». Но скорее всего такое мнение складывается у тех, кто ничего в моде не понимает, или у тех, кто действительно стремится перенимать только зарубежные образцы, обвешивается иностранными ярлыками как оправдательными документами модности своего костюма, непреложности своего вкуса. Среди писем молодых, пришедших в «Комсомольскую правду» в связи с конкурсом на надписи для молодежных маек, были и такие, в которых предлагалось делать надписи только латинским шрифтом — так, дескать, моднее.

Чего греха таить, наша промышленность до последнего времени мало выпускала хороших, тем более модных товаров. О молодежной моде долгое время вообще слышать не хотели. Технология отставала, импортные изделия выгодно отличались и качеством, и своевременностью появления. Вот и укрепилось мнение: мода рождается только за границей, и к нам приходит оттуда. Конечно, в нашей стране и историческая традиция связала костюм с Европой. Но следует все-таки делать различие между вообще зарубежными вещами и чуждыми влияниями, настроениями. Ведь диким покажется, если наши оркестры перестанут исполнять музыку Моцарта, Бетховена, Грига, издательства не станут выпускать книги Драйзера, Фолкнера, Гёте и т. д. А такие призывы были когда-то.

И поборники какой-то принудительной «своей» моды еще не перевелись. Мода оказалась ближе к мировому уровню, чем технология на швейных предприятиях. И что же: мода приходит или не приходит к нам из-за «кордона»? И да, и нет. Да, когда мы отстаем в технике, технологии, изучении спроса, организации торговли, создании молодежных клубов, кафе, дискотек. Нет, когда мы сами ее создаем, прикладываем усилия, изобретаем, распространяем, пропагандируем.

Вообще же этот вопрос отнюдь не нов. Его задавали и

несколько веков назад. Вот пример суждений на сей счет Д. И. Фонвизина:

«Вопрос: Как истребить два сопровитвные и оба вреднейшие предрассудка: первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо; второй, будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо?

Ответ: Временем и знанием».

А вот что писала искусствовед Н. Т. Савельева: «Мода, как всякое явление, имеющее интернациональные черты, определяет свое содержание под воздействием общих закономерностей развития наций и их взаимоотношений. Процесс интернационализации зиждется на явлениях двоякого рода. Их можно воспринимать как своеобразные тенденции, открытые Лениным: национального развития и интернационализации общественной жизни».

В наши дни в рамках Совета Экономической Взаимопомощи специалисты социалистических стран ежегодно совместно рассматривают проблемы, намечают практические шаги по развитию моды. СЭВ уже с 50-х годов объединил усилия социалистических стран в производстве товаров народного потребления и создал постоянную координируемую систему поставки модных товаров на основе взаимобмена готовыми изделиями, полуфабрикатами, сырьем. В новых партийно-правительственных документах после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС уделяется особое внимание углублению и расширению хозяйственных связей между странами—членами СЭВ, вплоть до создания объединений. Несомненно, это сыграет положительную роль и в развитии моды.

Но даже если не брать в расчет зарубежные связи, не оспорим интернациональный характер советской моды как явления, складывающегося и развивающегося в многонациональной стране, где родилась и расцветает многонациональная по своей глубинной сущности культура.

Процесс развития культуры, ее широкое распространение ведет к единению людей на основе взаимобмена и взаимообогащения своих национальных культур. Затхлая же атмосфера национальной замкнутости ведет к отставанию, торможению прогресса, грозит застоєм и угасанием природного стремления человека к постоянному обновлению, для реализации которого нужны простор и свобода. Наше многонациональное государство доказало животворную силу ин-

тернационализма во всех областях общественной жизни, в том числе в области культуры.

Мода и в этом играет положительную роль, легко перебрасывая мостки между разноречивыми, географически удаленными друг от друга людьми, позволяя им воспользоваться достижениями друг друга. Не будем, конечно, преувеличивать роль моды, ее форма довольно узка, области распространения ограничены, следования людей моде далеко не всегда безупречны или верны. Но и не будем отбрасывать ее как бесполезную, не будем свои ошибки, пороки и заблуждения списывать на ее счет.

Если мы хотим обогатить международную моду своими предложениями, то это дело не только профессионалов, но каждого, кто неравнодушен к общественным явлениям в нашей жизни, и в частности, к моде.

Когда молодые люди, в письмах или устных выступлениях, гневно клеймят продукцию легкой промышленности, требуя модные вещи, то хочется спросить, а каково качество тех изделий, которые выпускает их производство. Разве вышедший через три дня из строя новый телевизор, или холодильник, или автомобиль, или станок создается не нами самими, так же как и продукция швейной фабрики, текстильного или обувного комбината?

Мода — мы все вместе и каждый в отдельности, и как потребители, и как создатели, производители вещей. Какова наша культура в быту и на производстве — такова и наша мода. Мода, как зеркало, в ней нужно видеть самих себя. И если не нравится отражение, то не поможет замена зеркала, оно все равно будет отражать только то, что находится перед ним. А если не нравится кто-то другой, отраженный в зеркале, все равно надо начинать с себя: а каков я? Не отстал ли, все ли обдумал, понял, познал? Во всем ли разобрался? И главное, добр ли я к людям, что сделал для них полезного, честен ли я перед ними?

Для здоровой души, для честного сердца есть только один путь своей жизни — прожить ее для других. А в ногу с модой или лишь рядом — это частность, которую каждый волен выбирать сам.

Не смог сделать красиво, потому сделал богато.

Древнегреческое изречение

Хороший вкус — это разборчивость.

Цицерон

Презирать моду так же неумно, как слишком рьяно ей следовать,

Ж. Лабрюйер

...Кто слишком занимает свой ум мелочами, способен ли постигать великое?

Фрэнсис Бэкон

Стиль — это человек.

Жорж Луи Леклерк Бюффон

Образ жизни формирует душу, а душа формирует физиономию.

О. Бальзак

Любовь к похвалам куда более неприятна, чем простая любовь к нарядам.

Я убежден, что... умение находить прелесть в окружающем, ценить его и украшать является основой жизнерадостного, неунывающего и милого характера.

Опасность не в употреблении, а в злоупотреблении. Умение видеть различие между ними, точное ощущение границы вкуса и приличия являются следствием — одним из следствий — хорошо, простого и здорового воспитания.

Чарлз Диккенс

Не упускайте из виду ни одной стороны воспитания: говорите детям и об опрятности, о внешней чистоте, о благородстве и достоинстве манер и обращения с людьми; но выводите необходимость всего этого из общего и из высшего источника — не из условных требований общественного звания или сословия, но из высокости человеческого звания, не из условных понятий о приличии, но из вечных понятий о достоинстве человеческом. Внушайте им, что

внешняя чистота и изящество должны быть выражением внутренней чистоты и красоты...

В. Белинский

...Я хотел бы напомнить тем, кто издевается над красотой, как над чем-то непрактичным, что вещь безобразная — это вещь, скверно сделанная, или вещь, не отвечающая своему назначению; красота дает только необходимое, ни капельки больше, в то время как уродство всегда расточительно, уродство в одежде, как и во всем другом, всегда является признаком того, что кто-то был непрактичен.

Я хочу отметить, что красота в основе своей органична, т. е. исходит не извне, а изнутри; не от какой-либо придаточной «красивости», а от совершенствования своей собственной сущности.

...Я предпочел бы видеть какое-нибудь видоизменение разделенной надвое юбки или длинные, умеренно свободные шаровары... ибо все обвинения в недостатке женственности в такого рода костюмах совершенно бессмысленны; каждый рациональный вид одежды одинаково пригоден для обоих полов, и абсолютно нет такой вещи, как определенно женская часть платья.

О. Уайльд

Когда строится модель, нужно непременно думать о том, чтобы человек в одежде был красиво оформлен со всех сторон, как круглая скульптура, а не барельеф, вышедший из стены, где оформлен только перед; чтобы на него было приятно смотреть со всех точек зрения.

Н. Макарова, художник-модельер

Стиль — это дерево с долгим временем жизни, а мода — листва, меняющаяся так же часто, как времена года.

Н. Жуков, народный художник СССР

Знаменитые французские модельеры

ГАБРИЭЛЬ ШАНЕЛЬ (создательница своеобразного стиля женской одежды в 20-е годы — «стиль Шанель»).

— Стиль ценен только тогда, когда он украшает женщину, это не абстрактное искусство и не архитектура. Платье не может существовать само по себе. Самое главное в нем — это сама женщина. И если она недостаточно интересна, модельеры делают все возможное, чтобы сделать ее красивее, а главное, женственнее.

— Каждый период должен найти свой стиль. И если иногда он не получается достаточно красивым, то по крайней мере он не должен быть смешным.

— Мода — это не театр, а как раз наоборот.

— Без женщины нет процветания в моде, женщина — источник созидания, изобретения нового. Главное в моде — это женщина, а не платье.

— Почему появляется совершенно новая мода? Почему происходят полные изменения в стиле? Только человек десять могут позволить себе полностью изменить свой гардероб, следуя каждому новому веянию моды. И разве настолько необходимо новое платье на каждый торжественный случай? Разве настолько значительны для женщины часто меняющиеся новые платья? И разве настолько незначительна сама женщина?

— Чтобы одеваться в стиле молодых, вы должны чувствовать себя молодой, сохранять дух юности. Это значит чувствовать себя свободно и непринужденно, без претенциозности в своей одежде, легко дышать и легко двигаться, удобно стоять и сидеть, не думая о том, что на вас надето. В этом отношении некоторые девушки иногда бывают самыми пожилыми женщинами, которых я когда-либо знала.

— Если у вас новое платье, поносите его раньше дома. К нему надо немного привыкнуть, а платье должно привыкнуть к вам, ведь оно одушевленное. Платье ни в коем случае не должно быть неудобным. Иначе вы будете неловко себя чувствовать. Пронграете и вы и ваше платье. Мой совет — правильно носите платье. Это значит, что нужно совершенно забыть, что вы его носите.

— Запах духов придает особое поэтическое качество женщине. Этот запах должен быть сугубо индивидуальным и притягательным, чтобы его невозможно было забыть на следующий день. Он как будто должен говорить: «Я ушла, но я еще здесь».

КРИСТИАН ДИОР (создатель нового модного направления в послевоенные годы (1947 г.), названного «Нью-Лук». Из творческой мастерской К. Диора вышли крупнейшие современные модельеры Франции — Пьер Карден, Ив Сен-Лоран и др.).

— Одеваться со вкусом — значит подбирать одежду, соответствующую вашему типу и вашему образу жизни.

— Даже очень красивая женщина, если она с пренебрежением относится к своей внешности, становится непривлекательной.

— Одеваться со вкусом вам помогут не столько деньги, сколько ваше чутье, ваша психология, ваша интеллигентность.

— Всегда имейте в виду, что эксцентричность редко бывает красивой. Элегантна та женщина, которая умеет подчеркнуть в себе самое красивое.

— Ничего нет досаднее, чем жаловаться на неизбежное. Не сетуйте, если вы изменились или постарели, — обаятельная женщина не стареет.

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

- Аасамаа Ийна. Как себя вести. — Таллин, 1973.
Бестужев-Лада И. В. Молодость и зрелость. — М., 1984.
Долгоруков А. П., Барыбина И. Ф. В паутине маркетинга. — М., 1982.
Евсеев В. П. Потребности и потребление. — М., Знание, 1986.
Кашенко О. Д., Козлова Т. В. Покупателю об одежде и моде. — М., 1986.
Котляр Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. — Киев, 1986.
Мода: за и против / Сб. статей. — М., 1973.
Советский этикет / Сб. статей. — Л., 1972.
Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. — М., 1976.
«Бум! № 4» // Собеседник. — 1986. — № 29.
Валентин Катаев. Об интеллигенции // Литературная газета. — № 1. — 1986.
Виктор Розов. Начать с себя // Литературная газета. — № 19. — 1986.

АНДРЕЕВА Ирина Александровна
МОДА И КУЛЬТУРА ОДЕЖДЫ

Гл. отраслевой редактор Р. Смирнова
Редактор Л. Ланина
Мл. редактор Е. Волкова
Худож. редактор П. Храмцов
Художник Г. Метеличенко
Техн. редактор А. Красавина
Корректор Н. М. Арсенина

ИБ № 8553

Сдано в набор 02.02.87. Подписано к печати 24.03.87. А 07914. Формат бумаги 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 3,06. Уч.-изд. л. 3,42. Тираж 98 894 экз. Заказ 293. Цена 11 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 872305.
Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Брошюры этой серии в розничную продажу не поступают, поэтому своевременно оформляйте подписку. Подписка на брошюры издательства „Знание“ ежеквартальная, принимается в любом отделении „Союзпечати“.

Цена подписки на год 1 р. 32 к.

СЕРИЯ

МОЛОДЕЖНАЯ